

Пролонгированное интервью с БОЖКО АНТОНИНОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ

Респондент: Божко Антонина Александровна, 1932 г.р. Национальность русский, вероисповедание не указано, потомок переселенцев на Алтай, впоследствии репрессированных и высланных в Чаинский район. Бухгалтер, в настоящее время – на пенсии

Время и место проведения интервью: 20 декабря 2017г., 12-45 – 14 часов дня.

Повторное интервью – 15 марта 2018 года.

Проводилось дома у респондента.

Контактные данные. Нет.

Опрос провела: с.н.с. научно-исследовательского отдела ТОКМ Назаренко Татьяна Юрьевна, транскрибировала Назаренко Татьяна Юрьевна.

Присутствовали на интервью - Назаренко Татьяна Юрьевна, воспитатель СКК, сын Респондента Божко Владимир Викторович, кадеты СКК, 7 класс Никита Затеев и Владислав Козлов.

Техника фиксации: Диктофон - Olympus VN-711PC. Фотографии сделаны на смартфон.

Продолжительность – 1 час 8 минут.

Назаренко Т.Ю. Так, сегодня у нас 20 декабря 2017 года, интервью берет Назаренко Татьяна и два кадета, представьтесь, пожалуйста?

Козлов В. Владислав...

Затеев Н. Затеев Никита.

Назаренко Т.Ю. Никита Затеев и Владислав...

Козлов В. Козлов.

Назаренко Т.Ю. Козлов. Так. Присутствуют также Владимир Викторович Божко, представьтесь, пожалуйста.

Божко А.А. Антонина Александровна.

Назаренко Т.Ю. И Антонина Александровна

Божко А.А. Божко...

Назаренко Т.Ю. Антонина Александровна, скажите, в каком году вы родились?

Божко А.А. В 1932, далеко.

Назаренко Т.Ю. 1932 год.

Божко А.А. В год депрессий...

Назаренко Т.Ю. Да-а...

Божко А.А. В страшное время я родилась.

Назаренко Т.Ю. Вот Владимир Викторович рассказывал, что когда вас репрессировали,.. ну, вашу семью, то вы были, ну, как сказать, вы были уже достаточно взрослый человек, вам было...

Божко А.А. Нет.

Назаренко Т.Ю. Двенадцать?

Божко А.А. Нет, я уже родилась здесь.

Назаренко Т.Ю. А, господи, бабушка, бабушка!

Божко А.А., Божко В.В. Бабушка, Прасковья Егоровна.

Назаренко Т.Ю. Конечно, Прасковья Егоровна – было ей уже 12 лет, а вы родились уже в ссылке.

Божко А.А. Да-да-да! Я родилась, они были сосланы где-то... точно не знаю, потому, что... ну да разговор был, а точно не знаю. Или 28 год, 1928, или 1930-й. Я родилась в 1932-м. Это уже...

Божко В.В. Бабушке не 12 лет тогда было...

Божко А.А. А?

Божко В.В. Бабушке тогда больше было.

Божко А.А. Ну бабушке... Я просто о себе говорю.

Назаренко Т.Ю. Да, вот... Когда родилась – вы первенец в семье, да?

Божко А.А. Да, я первенец.

Назаренко Т.Ю. То есть, сколько лет было вашей маме, когда она вышла замуж?

Божко А.А. Когда она вышла замуж, маме, наверно, было (задумывается) семнадцать. Да, потому что я... я первая родилась. Я знаю, что папе... папа был постарше на три года мамы. Вам... тапочки то я

Назаренко Т.Ю. Да ладно, не надо!

Божко А.А. Так есть тапочки!

Назаренко Т.Ю. Не переживайте (встает, идет а тапочками)

Божко А.А. Вот смотрю... Там и мальчики...

Назаренко Т.Ю. Да ладно, ничего, я привыкла.

Божко В.В. Мальчики уже закаленные.

Назаренко Т.Ю. Я тоже. (А.А. Божко приносит тапочки) Спасибо. Так... Значит, как? Нам рассказывали, как они поженились, мама ваша и папа ваш.

Божко А.А. Ну просто... вот когда сослали, просто сослали в глухую тайгу, выбросили, как говорится, на погибание... чтобы они не выжили. Папу сразу назначили, папа был у нас грамотный в то вре... По тем временам папа был грамотный у нас. И его сразу назначили старшим поселка. Куда... Где вот нача(ли) образовываться, кто выжил... так... и образовывался поселок. И вот папа был там старшим. Поженились... Ну все, как раньше... народу было немного, старались там, как ознакомились, чтоб из хорошей семьи. Вот, знали, что мама из хорошей семьи, и папа. Вот. Полюбили, поженились и нас нарожали.

Назаренко Т.Ю. То есть родители решили?

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Родители больше решили, что брак будет между детьми.

Божко В.В. (Пытается прокомментировать).

Божко А.А. Да нет, ну я точно не знаю, наверно по любви, боже мой..

Божко В.В. Бабушка говорила, что нет.

Божко А.А. А?

Божко В.В. Бабушка говорила, что нет. Что это... ее чуть не насильно замуж отдали. Она не любила деда.

Божко А.А. А, ну, я не знаю. Это...

Божко В.В. Мне она так говорила.

Божко А.А. Ну это бабушка, может, тебе говорила, мне она такое даже не говорила, я считала, что все... ну знаю, что оне решили, что они обои из хороших семей.

Божко В.В. Да, вот две семьи, родители собрались и решили, что ихние дети должны.

Божко А.А. Да-да-да, из порядочной, хорошей семьи. Вот так вот.

Божко В.В. Зажиточных.

Назаренко Т.Ю. А вы помните, как назывался поселок, в котором вы родились?

Божко А.А. Францевка.

Назаренко Т.Ю. Францевка, да?

Божко А.А. Чаинский район, поселок Францевка.

Назаренко Т.Ю. Чаинский район. То есть где то в двадцать восьмом или тридцатом они там... здесь? Там только появляются, потом они уже обосновались, бабушка подросла, то есть ей не двенадцать лет было, а постарше.

Божко А.А. Божко В.В. Нет-нет.

Божко В.В. То есть, если она в 17 вышла, значит, ей лет 15 было, да?

Божко А.А. Когда сослали, ей 15 было. А тут вот пока маленько... это все... где-то ей 18 даже. Ну, будем считать... восемнадцать ей уже было. Восемнадцать уже было.

Назаренко Т.Ю. То есть, к тому времени, когда она создавала семью, поселок был уже достаточно обустроенный. Это был новый поселок, да?

Божко А.А. Это был совершенно новый поселок. Совершенно новый.

Божко В.В. Из сосланных.

Божко А.А. В глуши, в тайге.

Божко А.А. А почему такое название?

Божко А.А. А там... Потому что там был старо... старопоселенец, или как это? Старовер. Франц, Франц фамилия. Франц. Францев. Потому и поселок называли Францевка. Потому что там людей не было, никто там не жил.

Божко В.В. Староверов...

Назаренко Т.Ю. То есть, там если и было, то там если и было, это единственный какой-то житель, а вас там...

Божко А.А. И еще... Потом... Это бабушка рассказывала, жили Летовы фамилия, староверы, вдвоем они, муж с женой. У них детей не было, и они взяли приемного мальчика, и называли его... в общем, этого мальчика, он там жил, не учился, ниче. Время только по солнцу определяли... Вот...

Назаренко Т.Ю. А к тому времени, как ваши родители поженились, там уже был поселок?

Божко А.А. Ой, там уже зима прошла. Потому что они были высланы зимой. Кто-то замерз, кто-то остался. Ну вот, папины-то родители, им было проще, потому что был папа. Он был уже такой трудоспособный, и это... ему легшее выжить. А мамины родители... Вот эти Летовы приютили их, потому что бабушка... Особенно дедушка Егор был такой, болезненный. И они им баню уступили до лета. До лета, чтобы они дожили. И потом это, мама там ухаживала за ними, помогала стирать там, мыть, все делать. И они как... полюбили эту семью стариков, и они дожили до лета хорошо, а там потом уже начали... А выживали как? Просто ни лопат, ничего. В тайге снег, зима, мороз. Они сучья это, ельника ломали, и стелили, и вот этими сучьями укрывались. И вот так выживали. Но кто помоложе, покрепше, наверно... А много погибло людей. Где там...

Назаренко Т.Ю. Но зимой там... Вот именно из лапника делали. В землю же не закопаешься? Мерзлая!

Божко А.А. Да-да. Мерзлая. Их привезли – и даже лишнюю одежду не разрешали взять, только что было доехать и высыпать их в снег и... Вот это и все было.

Назаренко Т.Ю. То есть, если бы не приютили староверы Летовы, ваша семья тоже может быть бы?

Божко А.А. Конечно, конечно!

Назаренко Т.Ю. Скажите, а вот в вашей семье бабушка... Владимир Викторович говорил, что она даже пыталась бежать, ее изловили и вернули.

Божко А.А. Да. Да-да-да. Это ей было пятнадцать лет, и родители, когда маленько... приютили их добры люди там. И дедушка с бабушкой говорят: «Паночка, беги-ка ты отсюда! Мы то уж погибнем...» Они же не думали, что они выживут.

Назаренко Т.Ю. То есть она бежала не с дороги, а с места поселения?

Божко А.А. С места поселения. Тогда же ни... ни транспорта никакого. Как она добиралась – это один господь знает. И она добралась до вокзала, и ее здесь поймали. И судили как врага народа, что она сбежала.

Назаренко Т.Ю. Угу! Вот это очень важно.

Божко А.А. Да, как врага народа судили ее, посадили в карцер, и потом, как бы все равно, как-то...

Назаренко Т.Ю. А на вокзале ее в Томске поймали?

Божко А.А. На вокзале в Томске.

Назаренко Т.Ю. То есть она вот из Чаинского района какими-то правдами и неправдами добралась до Томска и отловили ее уже здесь?

Божко А.А. Да-да-да, уже здесь. Поймали уже в Томске.

Назаренко Т.Ю. А вернули ее к родителям?

Божко А.А. Ее просто выпустили с карцера, или где там ее посадили, как врага народа.

Божко В.В. А как же она обратно вернулась?

Божко А.А. А?

Божко В.В. Как она обратно в Чаинском районе оказалась?

Божко А.А. Ну вот, господи, как? Ноги есть, руки есть, молодая. Как? Я знаю, что никакого транспорта, она говорила, нету.

Божко В.В. Привезли ее обратно?

Божко А.А. Не знаю. Это не знаю.

Назаренко Т.Ю. Неизвестно.

Божко А.А. Не знаю. Ну как? Она и туда както добиралась, как могла.

Назаренко Т.Ю. Ну вот зимой спаслись благодаря тому, что жили в бане у староверов.

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. По весне, наверно, дом начали строить.

Божко А.А. По весне люди уже маленько сгруппировались, маленько обжились, начали поселок строить. И вот назвали этот поселок Францевка. Все. А были высыпаны форменным образом: вывалили вот так в снег, и все. Стали строить. А сосновый бор был. Нетронутый. Тайга нетронутая была. Рубили. И вот приобрели какие-то там пилы, какие-то там че-то, и стали валить лес и строить дома.

Назаренко Т.Ю. А где приобрели?

Божко А.А. Ну, наверно, в районе уже ездили, дак, там уже... Папа руководил, он уже везде был. Был такой начальник.

Назаренко Т.Ю. Угу! То есть он вообще был главой этого поселения.

Божко А.А. Да, он был главой этого поселения.

Назаренко Т.Ю. Вот. А комендант присутствовал, такая фигура, как комендант?

Божко А.А. Наверно.

Назаренко Т.Ю. Ссылные, комендант должен быть.

Божко А.А. Наверно. Я помню, к нам все время приезжали потом уже... Байрамов! Байрамов, запомнилась фамилия. Он был какой-то или комендант. И вот к папе как к старшему всегда обращался. И папе давали задания: вот того-то того-то... нет, того-то – нет, а вот назавтра должен ты предоставить двоих как врагов народа и расстреливать. Папа все время говорит: «Никогда!» Никогда никого не посылал, говорит, нет и: «Сам пойдешь!» - «Сам пойду, но никого не... как я могу на кого-то показать, что вот этого человека надо убрать?» Вот. И потом уж, когда поселок образовался, и его так все уважали. Ему хотя было где-то девятнадцать лет, наверно. (Пауза) Ой... Ой, пережита-а!

Назаренко Т.Ю. Пережито...

Божко А.А. В... Война началась, сорок первый год. А мне было девять лет. Я в тридцать втором родилась, а война - в сорок первом. Девять лет. Вот эти все... все... как строились, как выживали. Как война началась.

Назаренко Т.Ю. Девять лет – это вы уже много должны о войне помнить.

Божко А.А. Все помню. Все помню, и все пережитое – это я все помню.

Назаренко Т.Ю. Скажите, а во Францевке до войны много было народа? Сколько домов было примерно? Так, навскидку хотя бы – сколько домов было: десять, двадцать, больше?

Божко А.А. Ну потом ... домов наверно двадцать или пятнадцать было. Да, да.

Назаренко Т.Ю. (Пишет) Двадцать домов.

Божко А.А. Потом, тут не только вот в этом месте, тут еще рядом выбрасывали людей. Там образовалось еще поселка... поселки...

Назаренко Т.Ю. А какие?

Божко А.А. Щас, вспоминаю... Вот. Еще когда мы в школу ходили, школы никакой не было... Мы ходили – рядом поселок был там, километра четыре, через лес, через прямо – через снег. Так у нас мама, она такая была молодая такая, энергичная. Она утром рано встает и туда четыре километра протопает, чтобы ребятишкам...

Назаренко Т.Ю. То есть дорогу протаптывала?

Божко А.А. По лесу, по снегу. Чтобы можно было пройти в школу. Вот не могу вспомнить, поселки... (называлось)

Назаренко Т.Ю. Потом вспомните... Так, вот значит, поселок, в нем пятнадцать-двадцать дворов, то есть пятнадцать-двадцать семей. Где эти люди были заняты?

Божко А.А. Где заняты? Вот когда в начале уже строили дома, уже появилось, уже всем надо было обосновываться, построили... дом наш был на реке Чая. Почему называется Чаинский район. Потому что на этом поселке – Чая. Вот когда едешь в Чажемто, тоже на чае стоит, это – на реке. Вода – прямо вот чай, заваренный чай крепкий. Поэтому называли – Чая.

Назаренко Т.Ю. А эту воду вы пили?

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. Она вкусная была?

Божко А.А. А я не помню. Мы пили, полезна она, или кто-то там проверял – не знаю. Мы пили из реки, потом – стали – уже колодцы сделали, уже появились – с колодца уже. Ну че здесь начала – я пропустила... Построили на реке на этой Чае (задумывается) плотину! Плотину построили, перегородили, и на... на день открывали, вода шла, и работал какой-то станок. Какой-то завод. И строгали доски, доски, все. На ночь опять закрывали. Воды набиралось, утром открывали и... А вот где наш дом стоял, перед плотиной... Когда закроют плотину на ночь, утром просыпаешься – воды совсем нету в реке. Так какие-то канашки – углубления в реке. И там рыбы! Берешь прямо вот, собираешь, черпаешь и несешь. Вот такое было.

Назаренко Т.Ю. Угу! На этом заводе мужчины работали, или женщины?

Божко А.А. Там все. И те и другие работали.

Назаренко Т.Ю. А мама на работу ходила, или у нее только дом был?

Божко А.А. Нет, она ходила. Там потом поставили какой-то курятник. Да и ходила наверное. Там стали, заселились, ходила садить и картошку, и хлеб сеять. Потому что жить то надо.

Назаренко Т.Ю. Это личное или колхозное.

Божко А.А. Нет, это коллективное уже было. Это перед тем, как организовывались уже коллективы. Перед колхозами вот это было. Мама везде ходила. Мама – работала!

Назаренко Т.Ю. Так, то есть значит вот – у вас было уже достаточно налаженное коллективное хозяйство. Завод и так далее. Было (ли) личное хозяйство?

Божко А.А. Не было!

Назаренко Т.Ю. То есть ни огородов, ничего.

Божко А.А. То есть. Так как у меня дедушка – папин – дедушка. Он был потомственный – почему они хорошо жили? Они считались зажиточными крестьянами. Вот, у него было потомственно – их род занимался пчеловодством. И вот когда раскулачивали, у дедушки было сто ульев пчел. И все. Ну там – пару коровок там, пару свиней. Ну вообще, они жили сами своим хозяйством. Что имели, то и ели. Чем и питались. Вот. И все и деда и здесь уже, во Францевке, все - стал уже... Правда, здесь уже папа где-то ему купил пчел, и дедушка уже здесь развел 13 ульев пчел. Сделал сам самогон... медогонку! Своими руками из дерева. И какие-то корыта, там. И эти... рамы для пчел. И все дедушка своими руками сделал. Счас я покажу дедушку. Какой был дедушка. (Встает, идет за альбомом). Какой был дедушка – в то время, в те времена!

(Нажата пауза, возвращается с альбомом, показывает, рассказывает)

Назаренко Т.Ю. Здорово! Звук включу.

Божко В.В. Потом эти фотографии, мам (просит скопировать).

Божко А.А. Вот это мои родители. Папочка.

Назаренко Т.Ю. Так, это – папа.

Божко А.А. Да, а это – мамочка.

Назаренко Т.Ю. Вы похожи.

Божко А.А. Конечно, конечно. Мама была работающая-я! Всегда у нее много детей было, но все были ухожены, все. Просто... не знаю!

Назаренко Т.Ю. То есть у вас вот дом был, но люди были заняты на производстве, и поэтому своего собственного хозяйства?... (не было)

Божко А.А. Ну садили там что...

Назаренко Т.Ю. Огородик – был?

Божко А.А. Огород само собой. А вот значит, там лес был, и когда на дом рубили – раскорчевали, и сосны повалили на дом, и раскорчевали, потом, ой... Жить надо было, работали. Огород большой. Потом и коровку завели, и... Но это все – потом. Все...

Назаренко Т.Ю. То есть.. Но это не сразу. А дом какой был. Как у него было. Как вот. Сени там и изба одна? Или изба и вторая комната?

Божко А.А. Небольшой был дом. Из сосны.

Божко В.В. Сколько комнат?

Божко А.А. Комнаты. Были сени. Там ларь стоял большой, туда. Большой ларь, я помню.

Божко В.В. Который у тебя на балконе стоял?

Божко А.А. А?

Божко В.В. Который у тебя на балконе стоял!

Назаренко Т.Ю. Нет, ларь – он большой. Для продуктов там.

Божко А.А. Сени! Ну, который на балконе, тот! Дед делал, там прямо большой ларь, что жить надо. В этот в начале все это. Потом заходишь – и как называлось. Раньше же что – кухня или...

Назаренко Т.Ю. Ну, собственно, изба.

Божко А.А. Изба. Большая изба. Тут стол стоял, лавки сделаны деревянный, все дедушка обстрогает и раз все. И горница была еще. Называлось. Туда, такая небольшая еще комната, где мама-папа спали, там и вот это все. Вот это все и было. Это я все ясно все представляю.

Назаренко Т.Ю. В семье было сколько детей?

Божко А.А. Было девять.

Назаренко Т.Ю. Девять своих.

Божко А.А. Девять своих. Но это – двое еще сестры. Сестра умерла. Мамина родная сестричка. Умерла – осталось двое... вру – трое мальчиков.

Назаренко Т.Ю. Сестра когда умерла мамина?

Божко А.А. Ну, где-то перед войной.

Назаренко Т.Ю. Перед войной.

Божко А.А. Да, трое. Счас думаю, толи двое, то ли трое. Коля, васья и... Ну ладно... Давайте... Ну ладно, двое, трое, ну ладно!

Назаренко Т.Ю. То есть – это были племянники.

Божко А.А. Это были племянники. И началась война, и дядю Федю сразу взяли на фронт.

Божко В.В. Дядя Федя – это кто?

Божко А.А. Это муж...

Назаренко Т.Ю. Вот этой сестры, да?

Божко А.А. Муж. Все там – поселок ихний, все там просили их: «Христом богом, не забирайте этого!» Один мужик, двое маленьких ребятшек, трое, совсем еще такие, куда? Еще ничего не было тогда. Нет! Все! На фронт – и все!

Назаренко Т.Ю. То есть вот когда дядю Федю забрали на фронт, дети остались...

Божко А.А. На фронт ушел, и погиб, не вернулся.

Назаренко Т.Ю. И вот когда остались дети без присмотра, тетя забрала их.

Божко А.А. Совсем без присмотра. Она сначала это.. сюда, а потом... Ну, в общем, на мамином попечении они были, на бабушкином. Да, в общем. Вот такая жизнь была, да.

Назаренко Т.Ю. Так. А мама ваша проживала, значит... Вот – муж. Родители мужа жили в этом же доме? Или у них был свой дом?

Божко А.А. Нет. Мамины родители были с мамой. А папины – там знакомые какие-то близкие тоже с Алтая сосланы. И это. У них детей не было, они жили у них. Но где-то недалеко прямо, я как сейчас помню, можно было видеть их окна с нашего дома, вот так было.

Назаренко Т.Ю. То есть в семье были бабушка-дедушка, это были родители вашей мамы. Были мама-папа до войны, были вот эти дети, а во время войны появляются еще трое или двое приемных?

Божко А.А. Ну да, как дядя Федя погиб.

Назаренко Т.Ю. Ничего себе семейка... Большая семья, да! И как вот эта большая семья размещалась в двух, фактически, комнатах?

Божко А.А. Одна комната, дак там... нам не было всем, каки там койки? Вот здесь были таки лавки большие, там эти сделаны специально. Кто на печке, делили (смеется), там трое неудобно. Так и жили. Ну, жили.

Назаренко Т.Ю. А родители, это, бабушка, дедушка – на печке спали?

Божко А.А. По-моему нет.

Назаренко Т.Ю. Нет.

Божко А.А. То так, сделана койка такая, самодельная. Папа пошел на фронт.

Назаренко Т.Ю. А папу призывали на фронт в сорок первом или годом позже?

Божко А.А. Так, сейчас расскажу поточнее. Да, в сорок первом. В сорок первом. (Задумывается)... Нет, в сорок второй, точно. В сорок втором его.

Назаренко Т.Ю. Так, а дядю Федю раньше призвали? Или в это же время примерно.

Божко А.А. Не знаю, знаю, что дядю Федю... Знаю что только война началась

Божко В.В. Мам, а если брат по фильму «Сибиряда», то - сорок первый год?

Назаренко Т.Ю. Но я вот больше поверю второй дате, потому что они спецпереселенцы, а спецпереселенцев забирали с сорок второго. Они меченные были.

Божко В.В. Да...

Назаренко Т.Ю. Это очень важная деталь.

Божко А.А. Я знаю что, когда папу забрали, мама была беременная, вот с таким животом с большим, и надо было пойти в Гришкино. Это поселок, Гришкино.

Назаренко Т.Ю. Знаю!

Божко А.А. Вот... «Сибиряда»-то снималась в Гришкино, посёлок рядом.

Божко В.В. Вот куда пришел вот этот...

Божко А.А. На реке!

Назаренко Т.Ю. Так они всю войну бегали эти теплоходики... ну... пароходики. Да, наверно еще, пароходики.

Божко А.А. Да-да! И вот мама пошла, целый рюкзак там, хлеба там, сухарей... че там в то время то? Сало было? Или не было? А может, уже было... Бог знает. И это - проводить к пароходу выйти. И я с ней! «Пойду я к папе! Пойду-пойду!» Мама меня как ни отговаривала, бабушка: «Куда ты пойдешь? Ночью!» Вечером выходить, а всю ночь идти. Там че-то километров порядком! Ну и че? Я до первой – о! Андреевка, вспомнила! Я до первой деревни дошла – и все. Сели они перекусить, покуда это – а я уже уснула, начала спать. Мама: «Вот видишь? Я тебе говорила. Сейчас где тебя? Среди этого оставить?» Попросилась к кому-то, людям, и меня оставили. Взяли, я там переспала, а утром уже домой побежала, одна, через лес. Бабушка напугалась.

Назаренко Т.Ю. Это вот в Андреевке было.

Божко А.А. Да. А школа – нет. Школа... Ну ладно, пускай будет – в Андреевке.

Назаренко Т.Ю. Да... Ну... Если не было в Андреевке – значит, в каком-то другом месте было?

Божко А.А. Нет, может быть Андреевка – подальше ходить?

Назаренко Т.Ю. То есть вот когда провожали папу.

Божко А.А. В Фокино! В Фокино школа была. Школа – в Фокино! От нас недалеко было, километра четыре, может быть - пять. Но надо было просто через лес. Дорого-то, дорог там совсем не было тогда.

Назаренко Т.Ю. Ага. Скажите, а когда папу забирали, какое время года было?

Божко А.А. (Уверенно) Осень!

Назаренко Т.Ю. Так! Это была осень!

Божко А.А. Осень.

Назаренко Т.Ю. Холодная осень, или пораньше там, золотая?

Божко А.А. Вот когда пошли мы это?

Назаренко Т.Ю. Ну вот когда вы заснули.

Божко А.А. Это была хороша погода такая. Хорошая. Потому что женщины – там ещё не одна мама пошла, а ещё кто. Из нашего посёлка взяли сразу восемь человек. Восемь человек: вот папу и еще семь. С поселка. С такого маленького поселка в общем всех трудоспособных мужиков, здоровых-молодых, забрали.

Назаренко Т.Ю. То есть фактически всех мужиков?

Божко А.А. В общем, как раз к Москве подходило. Гитлер-то. И надо было на защиту Москвы. И сибиряков! Кого, саамы сильны, самые самые такие.

Божко В.В. Мы еще и 28 панфиловцев, значит?

Назаренко Т.Ю. Ребят, вот сопоставляйте, как можно выверить. Человек точно не помнит дату. Ни мама, и сын не помнят точно дату, когда забрали, в данном случае – дедушку. Но они точно помнят, что человек был под Москвой.

Божко А.А. Да!

Назаренко Т.Ю. Берете большую историю, учебник большой истории, смотрите, когда была битва под Москвой.

Божко А.А. Да! Вот на этой битве под Москвой...

Назаренко Т.Ю. И под это дело выверяете, все-таки, в сорок первый или в сорок второй год его призвали.

Божко А.А. И вот... (Взволнованно) Все сразу, на передовую всех. А они же не обучались. Они не держали ружья, ничего, ни пистолета, ничего, на передовую... И всех сразу раз – и убили. Остался из восьми один папа живой. Потому что... бабушка все время говорила: «Он счастливый, он родился в рубашке!» Ну потом вот я сейчас уже...

Божко В.В. Его там ранило, или в другом бою?

Божко А.А. Ну, раненый он был и его в это, в госпиталь! А семь сразу погибли! Семь – погибли.

Божко В.В. Его под Москвой, мам, ранило, или где-то в другом?

Божко А.А. Под Москвой.

Назаренко Т.Ю. Его ранило под Москвой.

Божко А.А. Да-да, вот когда защищали Москву, его прямо на передовую сразу и

Божко В.В. Так ему квартиру должны дать в Москве тогда (смеется)

Назаренко Т.Ю. Защитники, да, защитники Москвы. Вот, а папу когда ранило, он попал в госпиталь, или его вернули в ?...

Божко А.А. Нет, в госпиталь.

Назаренко Т.Ю. Он был в госпитале?...

Божко А.А. Он в госпитале был, подлечился и он попал снова на фронт. Ну, у него пять ранений было, но не такие, не страшные... Он был под лопатку ранен, так, здесь у него осколок был, он все время показывал, нога одна и еще... в общем, осколки.

Божко В.В. Осколками посеколо его.

Божко А.А. да, они долго его беспокоили. И все, должны были сразу его опять на фронт тогда, ну на фронт его опять не взяли, а почему? Потому что нужно было в Саратов на военно... авиационно какой-то секретный в Саратове завод. Его туда направили главным бухгалтером.

Назаренко Т.Ю. Угу! Грамотный!

Божко А.А. Грамотный, ага. Он прямо везучий был. Ну правильно бабушка говорила: в рубашке родился, счастливый. Так и шел по жизни. То есть всё ему удавалось. Все у него хорошо было всегда. Нас было много, но мы всегда были обеспечены, он такой добытчик был. Надо лес... потом уже... шишка хорошая, кедрач там это. Он берет младшего сына, не совсем младшего, он берет – и едут шишковать. И кто встречает нас... а тогда же никакой связи не было, вот. Как-то он передал, что будет на таком-то пароходе ехать. Пароход даже запомнила, «Шевченко», вот.

Назаренко Т.Ю. Был такой!

Божко А.А. Да! Да-да-да! Господи, всю войну я прожила, я все помню, все. Это так вот что! ... И вот все – мама поехала его встречать и вот что... лошади? Не знаю, сейчас это... Он привез восемь кулей чистого-чистого ореха! Просеянного, про... вот!

И что, когда надо, везде он – и сена накосит, и вот, вспоминаю.

Назаренко Т.Ю. То есть получается, во время войны он под Москвой. Ранен, не тяжело, но много, то есть осколками посеколо. После этого его отправляют, в госпиталь, из госпиталя...

Божко В.В. У него еще одно ранение было, тяжелое, помню, тогда еще было. Он умер от этого ранения! У него лёгкое было повреждено!

Божко А.А. Ты что?

Божко В.В. Сюда его для чего привозили, операцию делали?

Божко А.А. У него почки! Почка.

Божко В.В. Ну почка, что у него там было?

Простыл он, был на реке. Ходил он – всегда надо было в горы мандрагон. Трава такая – мандрагон! Он ее рвал и сдавал в аптеку.

Божко В.В. А я понял, он тогда...

Назаренко Т.Ю. Нет! Нет-нет-нет-нет!

Назаренко Т.Ю. Это в каком году он простыл и оперировался?

Божко А.А. Это... уже уехали... уже он...

Назаренко Т.Ю. Ну это здесь уже, в это время, хорошо так после войны.

Божко А.А. Ну он после войны вообще не вернулся сюда. Его сразу из госпиталя – и в Саратов, на какой-то авиационный строгого там... завод. Главным бухгалтером он там.

Божко В.В. Куйбышев назывался?

Божко А.А.А? Нет, Саратов.

Назаренко Т.Ю. А потом, когда война кончилась – он куда пошел?

Божко А.А. Он куда пошел. Счас я скажу.

Божко В.В. Детям тоже записывать? (смеется)

Божко А.А. Да я не знаю. Он там познакомился с женщиной на заводе...

Назаренко Т.Ю. А! То есть он не вернулся?

Божко А.А. Нет, подождите. То есть он там познакомился с женщиной, она была каким-то руководящим работником на авиационном заводе. Познакомился, и все... И она писала письмо маме. Она, лично: «Прасковья Егоровна. Я... мы с Александр Титовичем решили троих детей у вас забрать». Ну, у нас в войну уже не девять было. Двое умерли, совсем маленькие, когда родились. Семерых нас воспитали. Вырастили. Ну и все. Мама сразу: «Ой, ни за что!» Ну и все. В сорок шестом году папа приезжает. Приезжает. Один.

Назаренко Т.Ю. Угу...

Божко А.А. С таким вот условием, что он троих заберет. И она написала письмо, фотографию прислала, что она такая ответственная, что дадим детям образование высшее всем. А что ты там, вроде, в глуши. Ты ничего не сможешь им дать. А здесь мы значит все: и образование будет у них, и квартиры будут. Она большой там вес имела на заводе. Ну, все, папа приехал с этим письмом, с фотографией. Нас выстроили, как счас помню. Сестры то у меня были – за мной сестра на 4 года моложе, а эта сестра, еще есть. А мне здесь уже было... так, если война началась – девять лет мне было, и тут три года. Война сколько у нас?

Назаренко Т.Ю., Божко В.В. Четыре.

Божко А.А. Четыре года. Значит, мне уже было двенадцать... Двенадцать. Все нас построили и спрашивают. Папа спрашивает: «Кто поедет со мной? Ну вот поедет Тоня (это я), катя, рая, а это... маленькие, тут уже останутся с мамой. Мы будем помогать там...» Мы сразу все, в голос, в голос: «Нет! Мы не поедем! Никуда мы от мамы не поедем! Не надо нам. Все. И только с мамой». Ну и все. Папа – он был человек слова: «Раз не поедете – и я никуда не поеду». И остался... Написали письмо той женщине, что все, спасибо...

Божко В.В. Она: «Да пожалуйста!»

Божко А.А. Да! Такой груз! Не сильно хотела.

Назаренко Т.Ю. Значит... э... То есть... ((Думает) Значит, давайте теперь вернемся вот к какому моменту. Папу призвали на фронт.

Божко А.А. Угу.

Назаренко Т.Ю. Кстати, вот тот ребенок, которым мама была беременна, он в каком году родился?

Божко А.А. В сорок втором!

Назаренко Т.Ю. Он родился в сорок втором. Она была уже беременна.

Назаренко Т.Ю. Она была с большим животом?

Божко А.А. Да вот я говорю... Как пошли тогда папу провожать.

Назаренко Т.Ю. Осень сорок второго.

Божко В.В. А кто это был?

Божко А.А. Витя. Дядя Витя. А он (папа) его не видел. Заходит, с нами поздоровался, а спрашивает: «А это кто?» А он весь в вареньи упачкался, два года ему наверно было... три. Ну, мы: «Это Витя!»

Назаренко Т.Ю. Так, а в каком месяце родился это Виктор, сорок второго года. Дата рождения точная?

Божко А.А. Счас! Скажу. У меня записаны все, потому что много не запомнишь!

Назаренко Т.Ю. А, ну, давайте, вот это – хорошо!

(пауза, сходила за блокнотом)

Назаренко Т.Ю. Значит, семейная, давайте всех... всех с датами рождения уточним.

Божко А.А. Счас, всех. Я хотя помню, но... счас... волнуясь, дак... вот! Вот:

Папа – 1911 год, 26 ноября.

Мама – 1913 год, 8 тоже ноября.

Сестра за мной

Назаренко Т.Ю. По имени?

Божко А.А. Катя. 1936 –й. Июль месяц, 6 июля.

Рая дальше – 1938, 18 июня.

Гена – 1940-й, 14 марта.

Витя – вот, который военный – 1942, 7 июня.

А вот это уже послевоенные, когда он пришел уже, остался. Послевоенные.

1946-й

Назаренко Т.Ю. 1946-й – это кто?

Божко А.А. Это – Тамара. 8 августа

И Коля, 1948, последний сыночек, последний братик мой., 19 мая.

Назаренко Т.Ю. Так, а вот эти, которые между вами и Катей.

Божко А.А. Они умерли. Они умерли сразу. Толя... что-то 4 или 7 дней, сразу стал синеть, и что-то... в общем, че-то был нездоровенький. А ведь тогда же ни врачей, ничего, да и... вот. А вторая девочка, тоже Рая, вторую назвали тоже Рая. Она умерла наверно, годика в два. Тоже что-то у нее. Не знаю, тогда же не было ни врачей, ни... господи, что сами определяли, как могли, так и лечились.

Назаренко Т.Ю. Ну да, тогда смертность детская большая была.

Божко А.А. Да, вот двое умерли, а остальные – нас вырастили, воспитали.

Назаренко Т.Ю. Прямо вообще вот потрясающая семья. Ну, хотя она вообще-то для того времени – таких семей было много. Это для нас она потрясающая.

Божко В.В. Да, раньше детей было очень много. Люди карабкались, за жизнь цеплялись.

Божко А.А. Да, люди старались, старались жить, старались чего-то приобрести. Еще вот – пример такой. Это может не для записи? Война началась ... Война началась, уже разработали там огород, картошки, скот... уже все кормили, чтобы картошка была, да всякая там эта... И вот мама уходит на казенную, вот там полоть или что делать... а нас – отсчитывает нам сколько рядов картошки - огород здоровый, широкий. Отсчитывает, например, вот вам восемь рядов - вот вы должны... Поставит нам палочку, все. И! А я – как старшая, руководитель. Мне-то десять лет уже наверно. А это совсем маленькие. А картошка – земля же новая, вот такая ботва! Прет, все нетронутое было, земля была плодородная. Все! А они – никак не могут. Так картошку – промеж ног туда и окучивают. А силёнки-то нет! Но все равно – я стою, я свое-то уже сделаю. Над ними стою, команду: «Давайте-ка вот так!». А сосед, хохол был, Максименко. У них така семья была, культурная. Два сына всего было. Это, он стоит на огороде на своем, вот так на свою лопату, и смотрит. Мама приходит вечером, он говорит: «Пана, что ж ты делаешь с девчонками? Ты же их надсадишь! Они же у тебя это...» Она еще огурцов насадит: «Вот воды натаскайте, чтобы вечером огурцы полить, и картошку эту». Мама приходит, он грит: «Пана, мне так жалко твоих девчонок! Ты же их надсадишь! Ты смотри, их же с картошки-то не видно!» Вот, таки маленькие. А мама говорит: «А что мне делать? Буду я их жалеть, значит, будут голодные. А сделают, я же их не заставляю это. Помаленьку! Потихоньку!». И все а мне было, Хочешь жить – значит, работай, значит, делай.

Назаренко Т.Ю. Да, это жестко было.

Божко А.А. А я уже в 12, наверно, в 13, я уже помогала... помогала... на работу ходила, короче говоря. Я уже рабочий человек была. Пахали землю, ну, для это, для посева – а никакой, ни трактора, ничего не было! На быках! На коровах пахали. И вот мы должны вперед идти, вот таки вот. Все. Они же не то, что лошади, и то надо ее руководить, чтобы она шла по колее, а эти ж не туда! И вот это корову тащишь, а там взади мужик или кто тащит плуг.

Назаренко Т.Ю. То есть вы вели корову, а мужчина..

Божко А.А. Ага, там! Это все, а то ведь ты получишь вместо коровы! Вот так, деточки!

Назаренко Т.Ю. А они же упрямые, эти коровы?

Божко А.А. Они ведь абсолютно для этого не приспособлены.

Назаренко Т.Ю. А вот если корова заупрямилась, или бык – как ее стимулировали? Ну чтобы она не упрямилась?

Божко А.А. А еще – послали нас работать, там дали нам дома это-это, че там было, чтобы пообедали там в поле. А мама мне сшила (вспоминает слово) фуфайку. Фуфайку. В то время – такая роскошь была. Такая помню, зеленая, какой-то материал, ну, прострочена вся вот так вот, ну, фуфайка! Ну, поработали, сели обедать, жарко стало, солнышко пригрело. И смотрю – искра там, вот. А-а! И смотрю – моя фуфайка горит. Я ее взяла, она уже... на ней там дыры! А мне кто-то подсказывает постарше, поумнее был: «Да ты возьми, говорит, ее, закопай, под пласт положи!».

Назаренко Т.Ю. Чтобы потушить?

Божко А.А. Чтобы потушить. А она же тлеет, она же не горит.

Назаренко Т.Ю. То есть фуфайка на вате была?

Божко А.А. Там остался один ворот. Она вся со...это. Домой идти, думаю: «Ну, все! Точно уже, а?» Точно, мама только сшила, да с таким этим. Достать надо было материала, материала ж не было, а!

Назаренко Т.Ю. То есть фуфайка – она была теплая, на вате.

Божко А.А. На вате, простроченная там, э!

Назаренко Т.Ю. То есть сама сшила мама?

Божко А.А. Мама сама, и это была одежда и для весны, и для осени. Для зимы. Ну, пришла со слезами, так мол. Ну, че, мама? «Ладно, говорит, что уж? Надо, говорит, было думать». «Так вот думала, чтоб спасти!» думала (вздыхает)

Назаренко Т.Ю. Так, ну вот в годы войны: папа – ушел, вы – старшая, мама – она где-то там работает, на вас хозяйство. Вы уже в это время ходили в школу. Ну, девять лет.

Божко А.А. да-да, конечно! Уже вторые две вот, которые сорок... Катя и Рая, тоже ходили уже. А я уже ходила (давно – Т.Н.) И мне надо было до школы помочь бабушке на огороде, всё это запомнилось. Осень. И погода! Погода хорошая. Бабушка утром просыпается и говорит: «Пана! Какой сон сегодня видела! Хороший» «Че ж ты, баба, видела?» «да вот оттуда, с поселка, с горы, едет новенькая машина!» А тогда машин-то, бабушка, наверно, их толком и не видела. Она говорит. «Да какка?» «Да такая хороша маленькая машина, оттуда с горы едет. До нашего дома доехала и остановилась!» Вот, говорю, а у меня мурашки!

(Вообще с этого момента рассказ очень эмоционален, временами голос хрипит от волнения).

Божко А.А. Вот. Ну че, погадали, господи, ну сон и сон! И в этот день папа пришел с фронта!

Назаренко Т.Ю. Ниче себе!

Божко А.А. Да! Бабушка – сон, как в руку! Вот он пришел. Мы с бабушкой на огороде, а Витя сидел там, чай пил. Вот! Дома... И это.... Катя с Раей - в школе, а я – со второй смены. И вот я с бабушкой должна была морковку выдергать – в осень. Осенью это было. Конец октября наверно, да! Вот. И картошку-моркошку с ней подергаем, и я должна была в школу идти. И вот папа приехал. Приехал, зашел домой. А мы вышли: что, кто? Ах! Бабушка говорит: «Саша приехал! Тоня, папа приехал!» Я бегу к нему. Бегу, вот, до того... Бегу, у меня ноги подкашиваются и я падаю. Пробегу – опять! Ну и все... «Папа, папа!» «Где мама?» - он спрашивает. «Мама на картошку казенную пошла, копает».

Назаренко Т.Ю. Ого, ничего себе! То есть вы ходили за 4-5 километров и учились в две смены?

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. Кто помладше – в первую, кто постарше – во вторую.

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. Возвращаться затемно приходилось?

Божко А.А. Конечно! Вот, ну и все. «Где мама?» Я говорю: «Мама картошку»... А я знала, что за нашими так огородами, околок такой, там поле и женщины копали картошку. Ну вот побежали за мамой. Бегу по своему огороду, бегу, кричу: «Мама, ма-ама!» Я так с силой кричала. Бегу, а у меня ноги подкашиваются, я пробегу несколько метров и падаю. Вот, до того разволновалась.

Назаренко Т.Ю. Ну... Ничего себе!

Божко А.А. Через там забор такой, от коров, я через него. Его там далеко обходить, я через него стала перелазить, упала. Ну, ладно – и дальше. Уже ближе к этому бегу. Уже все женщины всполошились, че там, бегу. Она говорит: «Это Тоня кричит че-то». Все соскочили, картошку жарили, ели, сидели. В кружок. «Мама, папа приехал!». Мама – картошка печеная была, так вот схватила, зажала – и со мной. Бенгом... (Тяжело вздыхает, пауза)

Назаренко Т.Ю. Ничего себе!

Божко А.А. А вечером. Здесь... Женщины же все из поселка проводили мужей. И все вечером у нас собрались. Которы погибли мужики (пауза, вздыхает) Ой! Как они плакали, как они папу обнимали, как они расспрашивали... Как пошли на фронт, как погибли, пока он там видел. Он был, видел. «Нас, грит, вперед, и всё!» Стреляли и все погибли. Все «Сибиряки, сибиряки!» Никто не обучен был, никто сроду не знал, как обращаться с оружием, ниче.... Просто (Пауза) К вечеру у нас собрались, столько было слез! Столько было расспросов. Все завидовали, что папа – один у нас был (Живой вернулся – Т.Н.) Так

что папино имя-фамилия где-то в Чаинском, в архивах там он есть! Потому что он был всегда на виду, на слуху. (Пауза, респондент сильно взволнована, пытается успокоиться).

Назаренко Т.Ю. Так вот, ну военное, это... детство. Все вспоминают годы войны: ну, понятное дело, мужчин нет, женщины работают... Голодно было во время войны?

Божко А.А. Я бы не сказала. Ну конечно: все стали трудиться, стали что-то садить, стали растить. Кто-то какого то барана приобрел, кто-то... у в общем стали всё... У нас вот – мы не ощущали голода. У нас коровка уже была, молоко было. Мама насадит этих огурцов, там все - помидор, кажется, в то время в помине не было! Вот! Картошка, молоко, потом уже и сметана, и мед. А тут стал у нас уже... Не-ет, нет, нет! Мука какую-то там все равно привозили, хоть какую-то, какой-то суп там. Но чтоб голодно – не, не помню! Конечно, затируху какую-нибудь, считалось, что это уже (Пауза).

Назаренко Т.Ю. Вас на какие-то работы, кроме как быков водить выводили?

Божко А.А. Я уже рабочий человек была, меня уже в ясли определили. Ясли, я была уже как помощница. Там одна женщина... Ясли просто в доме где-то там организовали, чтобы женщин-то на работу выгонять. А меня как помощницу взяли, что я там с ней, помогать ей.

Назаренко Т.Ю. То есть вы и учились, и потом в яслях.

Божко А.А. Да, да!

Назаренко Т.Ю. И на огороде?

Божко А.А. И на огороде, да.

Назаренко Т.Ю. То есть везде успевать?

Божко А.А. С мамой на корове поедем за дровами. А, ну давайте про ясли расскажу?

Назаренко Т.Ю. Давайте.

Божко А.А. Чудо. Вот один мальчишка был – ершастый вот! Он у меня в глазах стоит, наверно, так... он такой коренастый, рыжий. Рыжий-рыжий! И волосы прям вот до того! Ершом стоят, вот такой мальчишка. И все. Как только спать уложим, уснули ребяташки, уснули, значит, лежат. А он обязательно вылезет из своей этой, и тут навалит побольшему. Разу беру, второй раз уберу, третий раз уже... ума то столько же было, немножко побольше, чем у того мальчика, у меня, воспитателя. Я его подтаскиваю, его руками так: «Давай убирать, давай-ка будем убирать! Будем вот!» Думаю, счас я это, его накажу и он больше не будет. Ну ладно, все, вынесли, руки ему вымыла: «Все. Иди ложися спать». Ну, вот на второй день или на третий, не знаю, уже управились, накормили их, уложили и с этой женщиной сели на крылечко и – солнышко! Так хорошо сидим на крылечке. С ней разговариваем, вот. «Все, - я говорю, - С ней он больше так делать не будет». Он подошел, сзади, видит, что мы разговариваем, сзади нас обоссал! Описал! Вот вредный какой был (смеется). Вот такой был! Потом уже папа пришел с фронта у него – живой был. Не было правой руки, у папы.

Божко В.В. Он лупил его левой.

Божко А.А. А?

Божко В.В. Он его левой лупил.

Божко А.А. Он левой его... И вот вся деревня на него жаловалась, ну обязательно вот где-нибудь что-нибудь нашкодничает. Вот вредный такой был, настырный. Я говорю, волосы дыбом,

Божко В.В. Это ты, мам, про наших кадет говоришь?

Божко А.А. А?

Божко В.В. Про наших кадет говоришь?

Божко А.А. Почему?

Божко В.В. Тоже такие же (смеется).

Божко А.А. Что они, тоже вредные? Ну не может быть, вон какие мальчишки хорошие!

Божко В.В. Это два! А остальные.

Божко А.А. Ты давай так не говори! Значит, плохо воспитываешь, с тебя пример берут! (смеется).

Назаренко Т.Ю. Скажите, а этот пацан - с им потом что было, вы не знаете?

Божко А.А. Знаю. Дальше пришел папа с фронта. Правой руки нету. Ему начали жаловаться. Вот там, как же, забыла уже, помнила. А счас выскочило. Вот там опять что-то нашкодничал. Ну вот он берет его схватает, и чтоб его побить то, он ничего не может! А правой то руки нет! Только туда голову между ног. И левой его ремнем, по попе. Да еще штанишки снял с него. По голой! Все... Он выскакивает – тот его уже отлупил, там наказал его еще – если будет там что, отец его говорил. Он выскакивает так вот показывает (кукиш – Т.Н.) «Вот тебе!». Ух ты - на отца! Вот такой был вредный! Девчонки пойдут за малиной - сестра моя, которая за мной, Катя, и Пиджакова. Пойдут через лес, через речку по мостику. Малину нарвут – идут. Он через лес. Встречает их. Уже большой, большенький был. Уже жениться собирался. Вот... Ну, в уме конечно. Он их на мосту встречает, а ему сильно нравилась Ларка. Он не говорил Лара – Ралка!

(Смех)

Божко А.А. «Дружить будешь?» Она: «Иди ты!» - на него. «Давай тогда малину!» Отберет у них малину. И все – они придут со слезами, рвали-рвали и малины нет. А че? Вот такой парень был. А дальше уже не знаю, разъехались все.

Назаренко Т.Ю. Да, жалко, было бы интересно посмотреть, что с ним потом стало с таким характером.

Божко А.А. Да, да! А может быть, моет, человек то был хороший.

Назаренко Т.Ю. Может быть и хорошим человеком стал.

Божко А.А. Ралка!

Назаренко Т.Ю. Вот так вот. Так... А как вы уехали в Томск?

Божко А.А. В Томск уехали мы... Ой. Мы же... папа... начал нас вывозить. Вывозить начал. Сначала он нас с Францевки вывез туда, ближе к Подгорное. Минеевка! Минеевка, Минеевка. Поселок. Ему надо было уже вывозить, чтобы... Тут уже должна была произойти реабилитация. Что можно было. Ему уже нельзя было выезжать, он был (репрессированный, спецпереселенец – Т.Н.)... Ну всем, всем нельзя было выезжать! Он это, все... Потом с Минеевки переехали мы в Кожевниково. Он уже устроился опять в Заготскот. Вот. До Кожевниково мы уже доехали, в Кожевниково учились, я уже заканчивала восьмой класс... Из Кожевниково мы там сколько-то прожили, не помню, года может три, или четыре, и он в Томск переводится, переводится в Томск на... здесь на Втором Томске счас это есть еще там, раньше стряпали пирожки, мороженое делали, тоже оно относилось вот... к пищевой промышленности. И все, и тут уже... можно было.

Назаренко Т.Ю. То есть это после пятьдесят шестого года?

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Это уже после пятьдесят шестого года, то есть когда уже комендатуры сняли.

Божко А.А. Нет, это. А! Да, да.

Назаренко Т.Ю. Там уже можно было уехать.

Божко А.А. У меня даже есть справка, что я реабилитированная.

Назаренко Т.Ю. То есть лично вы?

Божко А.А. Лично!

Назаренко Т.Ю. Вот обратите внимание, ребят. Человек родился уже в ссылке.

Божко А.А. Да. Да!

Назаренко Т.Ю. Он родился уже (подыскивает слово) преступником. То есть... ему уже понадобилась справка, что - реабилитирован.

Божко А.А. (Заметно волнуется, сбивается) Опять, где бы я то в то время уже... Папа, на нас на старших, где мы подходили по годам, он на всех сделал справки что мы реабилитированы. У меня есть свидетельство, что я не... не причастна, а реабилитирована! Что у меня льготы есть.

Назаренко Т.Ю. Это свидетельство было еще тогда, когда вы молодые были, да?

Божко А.А. Оно и сейчас есть.

Назаренко Т.Ю. Нет, я просто к тому, что у нас есть реабилитация пятидесятих годов, а потом еще была волна реабилитаций в перестройку. Старая реабилитация.

Божко А.А. Ну вот это я уже не знаю...

Назаренко Т.Ю. Ну то есть папа был... папа был, вы еще молодые – у вас уже эта справка была?

Божко А.А. Да, да (на самом деле, реабилитация – 1990 год – Т.Н.). Я даже могу справку показать.

Назаренко Т.Ю. Покажите, пожалуйста!

(Нажата пауза, ушла за справкой)

Божко А.А. Вот она.

Назаренко Т.Ю. Ну вот, очень интересно, Тут все даты указаны. Семья с тридцатого года...

Божко В.В. (неясно говорит на заднем плане)

Божко А.А. Удивился, что он не знал. Говорит, ему не показывала. У меня удостоверение, я пользовалась.

(Тут же свидетельство о рождении)

Божко А.А. Это так, мамы. Потом.

Назаренко Т.Ю. Да, я вижу, что оно восстановленное.

Божко А.А. Что она, мамочка моя – Шатунова! Шатунова.

Назаренко Т.Ю. Шатуновы? А вот эта фамилия как?

Божко А.А. Шатунова. Вот она – моя бабушка. (показывает на имена родителей). Прасковья Егоровна...

Божко В.В. А между прочим моя бабушка настаивала что певец из «Ласкового мая» - Шатунов. Шатуновых очень мало, и

Божко А.А. Не, это явно не из родни! Это не верю.

Божко В.В. Ну вот бабушка говорила, что...

Божко А.А. Бабушка, это на может, такого родственника хотела. (Смеется) Нет, но Затеев переспрашивает, кто такой Шатунов.

Назаренко Т.Ю. Певец. Вот когда я была чуть постарше вас, страшно популярный молодежный ансамбль, и там был солист, Юра Шатунов. Кстати – из детдома.

Божко В.В. Бабушка говорит, что это наш родственник. Шатунов. Дедушка шатунов. Вот родные братья. Дедушка Шатунов – он работяга был. А второй брат – сидел на печи, лапти сушил.

Назаренко Т.Ю. А потом один другого раскулачил?

Божко А.А. А потом, когда стали раскулачивать, он первый брат показал, что он как это... богатый, и его надо убрать. А он – бедный, несчастный, отдайте ему, что он заработал. Начали отбирать, а этим голодранцам. Мама говорила – голодранцы.

Назаренко Т.Ю. Кстати, интересная вещь – когда архивные документы смотришь, то там даже такая маленькая деталь я недавно архив смотрела, о раскулачивании. И я вспоминала – там было «Моими юбками на базаре торговали». Помните?

Божко В.В. да, мне бабушка говорила: «Моими юбками на базаре торговали!»

Назаренко Т.Ю. Было! Так вот – абсолютная правда, потому что в архивных документах есть: «имущество кулака конфисковано, распродано с общественных торгов». То есть все абсолютная правда.

Божко В.В. Бабушка говорила: На рынке иду, эти голодранцы моими юбками торгуют.

Назаренко Т.Ю. Да вот, распродавали с общественных торгов.

Божко А.А. А вот дедушка, о дедушке Шатунове. Он когда стали это... отбирать то, что есть. Пришли и «Давай!». А он... У них никто на них не работал, только семья, только на себя. И все, что имели – это собственная собственность была, и нажито мозолями. Ну и все. «Зерно давай». Он говорит: «Да я умру, а зерно не отдам. Которые сидят, не работают – я им зерно отдам. А я своими мозолями растил все!» И все! «Не отдам! Не скажу где, лучше я его выброшу, лучше это... Но этим не отдам голодранцам!» Ладно. Так дедушку

что делали, Шатунова? Его обливали – зима! Тридцать градусов мороза, и его раздевали до белья - а раньше льняное было, - и закрывали в чулан. Какой-то это. Какая-то сбита с досок, какая-то для сена может, для чего там. И туда его наночь закрывали, чтобы он там замерз.

Назаренко Т.Ю. Или рассказал, где зерно... Не рассказал?

Божко А.А. Да, он не рассказал. Простыл весь. Поэтому он – когда прислали его туда, он мало прожил. Вот дедушка Бердюгин – так тот еще потом уехал на родину. А этот умер у нас там, потому что он был весь-весь простужен. Его прямо заживо, заживо закрывали, обливали, так мама все рассказывала, бабушка. «Я, говорит, боюсь... Небольшая была. Нальёт, говорит, мне, бутылочку самогонки, и говорит: «Отнеси отцу чулан, может, он хоть погрееется, а то замёрзнет». Я бегу, думаю: счс меня поймают да к нему посадят, а там заморозят.

Назаренко Т.Ю. Скажите, а вот... Вы то этого конечно не застали, потому что это было раньше. Родители не упоминали о таком событии, как восстание. В Чаинском районе было восстание в тридцать первом году. Ваши родители уже там были.

Божко А.А. Не знаю, не знаю, я потом родилась. А че будут они рассказывать.

Назаренко Т.Ю. Ну понятно, о таких вещах не рассказывают.

Божко А.А. Не знаю, не знаю, не знаю...

Назаренко Т.Ю. Не рассказывали, не упоминали.

Божко А.А. Может даже упоминали, я не знаю.

Назаренко Т.Ю. Бабушка-то наверно уже с подробностями могла помнить, а уже не спросишь.

Божко А.А. Уже не спросишь. Другой раз сама себе че-то вспоминаю, вспоминаю, а спросить, и поговорить не с кем уже. Детей вот – семь человек, выжили. Живые только вот я и сестра и два брата. Три брата, господи! Три брата и сестра. Вот мы самые сташие еще и живы.

Продолжение интервью.

Назаренко Т.Ю. Так, значит у нас сегодня 15 марта 2018 года, мы продолжаем интервью с Антониной Александровной Божко. Присутствуют Владимир Викторович Божко, Никита Затеев и...

Козлов В. Владислав Козлов.

Назаренко Т.Ю. Владислав Козлов. Интервью ведет Татьяна Назаренко. Прошлый раз мы говорили о вашем детстве, о том, как жили вы в высылке. Ну, вот, значит, вы приезжаете в Томск. Вот давайте от того момента, как вы приехали в Томск (Когда, кстати, это было?) и будем говорить: знакомство, переезд в Северск. Вот эта вот тема. Когда вы приехали в Томск?

Божко А.А. Точно не помню. Пятидесятые. Пятидесятый год. Пятидесятый, да. В пятьдесят втором я уже устроилась сюда, на Почтовый. Родители там жили, а я сюда уже устроилась на работу. (Вспоминает) В пятьдесят втором... правильно, в пятидесятом.

Назаренко Т.Ю. Так, а когда вы приехали в Томск, вы где-то на Втором Томске жили?

Божко А.А. На Втором Томске. На Втором Томске. Здесь недалеко от железной дороги – клуб Сталина. Дом наш до сих пор стоит.....

Божко В.В. Дом до сих пор стоит...

Назаренко Т.Ю. Клуб Сталина? А это где было?

Божко А.А. А! Возле вокзала! Возле вокзала... Раньше он в то время ой как славился!

Божко В.В. Как отсюда ехать, не доезжая заправки стояло.

Назаренко Т.Ю. Оно каменное, да? Оно и сейчас, по-моему, стоит...

Божко В.В. Вроде разломано оно, нет?

Божко А.А. Я там давно не заезжала. Но в то время клуб Сталина был на такой высоте, Все кто приезжали знаменитости, какие люди знаменитые – все были в клубе Сталина. Тогда еще этих не было...

Назаренко Т.Ю. А этот клуб, раз уж о нем речь зашла. Какие-то у там были самодеятельные кружки, да?

Божко А.А. Были! Самодеятельные, духовой оркестр был все время...

Божко В.В. Даже зять мамин там играл на трубе.

Божко А.А. Оркестр духовой был, танцплощадка прямо в этом была, ну, в общем, культурно было. Вечер наступает, духовой заиграл... у нас прямо рядом было! Через дорогу. Так было – это сам, молодость, так было интересно. Мама... У нас мама была такая заботливая. Так пока мы, у нас младшие на занятия уедут в Томск. Мои сестры, они учились в медучилище. Обои закончили медицинское. Вот. А я на работу уехала. Так она сходит на танцплощадки, возьмет контрамарки, чтобы мы вечером пришли. Я говорю: «Мама, господи...».

Назаренко Т.Ю. То есть там были каждый вечер танцы, да?

Божко А.А. Нет... Нет-нет, наверно только среда и выходные. Точно не помню.

Назаренко Т.Ю. То есть среда и выходные, да? А что танцевали?

Божко А.А. Ой, и вальс, и краковяк, и полька, и все, все такие вот старинные танцы.

Назаренко Т.Ю. Так, ну, значит, вы приехали. А домик – вы его сняли, как переселились? Или купили?

Божко А.А. Папа строил сам.

Назаренко Т.Ю. Папа строил сам...

Божко А.А. Папа строил. (Пауза). Есть вот это место, два... Ну, как, тогда считались – зажиточные люди, такие знаменитые. С этой стороны какой-то заслуженный железнодорожник был, а с этой – Черепановы, тоже...

Назаренко Т.Ю. Черепановы, да?

Божко А.А. Черепановы. И вот это здесь было свободный угол вот так (показывает). У как, так и так улица... угол. И папа добился место, такое хорошее. Они так возражали, что им там не надо...

Назаренко Т.Ю. Им надо было свободное место?

Божко А.А. Ну надо было где-то, где-то это. А папа был такой...

Назаренко Т.Ю. А адрес вспомните?

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Адрес – помните? Этого дома?

Божко А.А. Дома адрес е помню. Советская по-моему?

Божко В.В. Не Народная?

Божко А.А. Нет.

Божко В.В. Стародеповская, нет?

Божко А.А. Нет-нет-нет! Или Пролетарская? Че-то такое. Вот уже забыла все!

Божко В.В. Могу вам сказать где. Его сразу видно, этот дом, если ехать от Второго Томска и пошла дорога на Почтовый, то есть на Каштак, и сюда уходит дорога такая, второстепенная. И вот сразу же на...

Божко А.А. На перекрестке!

Божко В.В. На перекрестке на углу ихний дом стоит, его прям видно с дороги. (Возможно, речь идет о домах на пересечении с Транспортной с пер. Железнодорожным или пер. Деповского с Транспортной. Транспортная 1а, например – Т.Н.).

Божко А.А. По-моему партизанская, не знаю...

Божко В.В. Мам, ну ладно!

Божко А.А. Ну ладно!

Назаренко Т.Ю. В любом случае, попробуем его поискать, потому что раз он сохранился, тем более...

Божко А.А. Да! Ну сейчас он конечно, приезжали, он счас конечно там...

Божко В.В. Мам, ну естественно, он переделанный.

Божко А.А. Нет, сам дом как стоял, так и стоит. Но он в то время прямо хорошо смотрелся, а счас уже столько лет...

Назаренко Т.Ю. Ну, сейчас уже он обветшал.

Божко А.А. Сейчас уже другой хозяин, стали заниматься чем там?

Назаренко Т.Ю. Ну, вот, значит, жили мама, папа, сестры две?

Божко А.А. Три! Три сестры и я. И еще два парня! Нас ведь семь человек, мама родила девять человек, а два маленькие умерли.

Божко В.В. Три! дядя Коля, дядя Гена, дядя Витя.

Божко А.А. Да-да-да! (Считает) Четыре нас девочки и три парня.

Назаренко Т.Ю. А вот эти вот ребята, которых она усыновила, племянники? Они?

Божко А.А. Они потом разъехались. Они... Один уехал в Новосибирск, познакомился с какой-то женщиной здесь на вокзале. Уже работали – в Новосибирск. А второй уже... счас вот даже не помню, связь потеряли: мамы не стало, нам не до этого было... Мы сами какие-то (подыскивает слово) какие-то несовершенноразвитые. Время такое было, время!

Назаренко Т.Ю. Ну да, время такое было. Время было достаточно суровое. И когда вы приехали, вы где работали вот?

Божко А.А. Я сразу устраиваться... в Томске. Я сразу поехала на Почтовый. И устроилась на почтовый в ГорУ... Даже не в ГорУАТ, вот на Чекисте¹ – третья Автобаза и воинская часть. Она прямо воинская часть была на автобазе

Божко В.В. Комментирует, неразборчиво.

Божко А.А. Да-да, все было. И вот здесь я устроилась в бухгалтерию.

Назаренко Т.Ю. В бухгалтерию. А где размещалось само здание, где вы работали?

Божко А.А. Это сейчас... объясняю, где сейчас вот магазин был, Ю промтоварный, здесь была остановка. Сейчас... сейчас какой там магазин? «Охотник», че-то такое.

¹ Чекист – микрорайон города Северска, ближайший к Томску. Назван по имени трудкоммуны «Чекист», существовавшей там с 1933 года до начала войны. В годы войны на этой территории были лагеря, а потом в зданиях Трудкоммуны располагались Управление Строительства. Использовался и жилой фонд ТКМ, школа. – Т.Н.

Назаренко Т.Ю. То есть это вот это кольцо (на углу Победы и Ленинградской – Т.Н.)

Божко А.А. Вот это кольцо за магазином. Тогда это один был магазин на Почтовом, когда только начиналась стройка.

Назаренко Т.Ю. То есть вы были в тех зданиях, которые строились еще для трудкоммуны «Чекист», да?

Божко А.А. Да-да-да!

Назаренко Т.Ю. То есть вы помните, когда на углу вот сейчас девятиэтажка стоит, стояло Управление Строительства 601. Все вот это вот.

Божко А.А. Да-да-да. А ближе к берегу было Управление лагерей. Лагерей. Потом, когда база стала расформовываться, я работала в Управлении лагерей. У, казалось шикарно, дорожки ковровые, чистота. Прямо ну все было... (Пауза) Что-то еще хотела сказать. Ладно, забыла.

То есть вы, собственно говоря, видели Северск (времен его начала). То есть вы устраиваетесь в пятьдесят втором году...

Назаренко Т.Ю. Была остановка, а сюда, левее к берегу, был лагерь заключенных. Эти... я тоже там немножко поработала. Когда ушла в Управление лагерей.

Назаренко Т.Ю. Тоже бухгалтером?

Божко А.А. Да... да. Как они назывались то? Заключенные, такие политические, особые, не то, что там лагеря были, там обычные такие.

Божко В.В. Не то, что на Парусинке...

Божко А.А. А?

Божко В.В. Не то, что на Парусинке, особые.

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. Это были особые, да? Каторжане? У них статус был каторжан.

Божко А.А. Вот... скорее всего.

Назаренко Т.Ю. А вы не интересовались за что эти люди там сидели?

Божко А.А. Разные статьи, но почти что политические...

Назаренко Т.Ю. Украинцев там много было?

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Украинцев там много было.

Божко А.А. Это? Много было.

Назаренко Т.Ю. Потому что после войны шли вот эти вот всякие формирования националистические там и так далее.

Божко В.В. Бандеровцы, да?

Назаренко Т.Ю. Угу.

Божко А.А. Когда стал строиться наш завод... Заключенные же строили этот завод вот... СХК-то. И пришел приказ политических – отсюда! Значит, стало секретно, жизнь секретна работа секретна. Это секретное особо стало, и приказ пришел – лагерь, помню, этапировали. И быстро, значит, нас, отправили помогать рассчитывать. Надо было быстро посчитать карточки, надо было выдать деньги. Я еще ... дали какую-то сумму, чтобы я помогала рассчитывать этих политических. Людей...

Божко В.В. Много людей уехало, да?

Божко А.А. А?

Божко В.В. Много людей тогда уехало?

Божко А.А. Конечно, полный лагерь был?

Назаренко Т.Ю. То есть, а их там сколько было, тысячи три, четыре, больше?

Божко А.А. не знаю, нет, наверно меньше.

Назаренко Т.Ю. Наверно меньше да? Меньше трех тысяч?

Божко А.А. меньше. Не знаю, может быть, тысяча, но меньше. Это большие лагеря здесь на Парусинке были, десятый, двенадцатый, одиннадцатый, женский лагерь. Все я, все-все-все! Ой, господи, прошла я.

Божко В.В. А в то время, который сейчас на Каштаке женский тоже был? Что сейчас на выезде?

Назаренко Т.Ю. Женская колония, что сейчас на выезде?

Божко А.А. Это тот, что в сторону от заправки? По-моему был он, был. Я много не знаю, там много же, но был, был, офицеры ездили.

Божко В.В. Давно еще было?

Божко А.А. Давно еще.

Назаренко Т.Ю. Так, ну вот смотрите: вы живете где-то в районе между вторым Томском и АРЗом. Работаете вы еще на территории Северска.

Божко В.В. Тогда еще Томск-7.

Назаренко Т.Ю. Ну, тогда еще вообще Строительство 601, Пятый Почтовый. Вот этот вот, да. То есть расстояние – не ближнее. Каким образом вы добились и ко сколько вам надо было быть на работе?

Божко А.А. К восьми строго...

Назаренко Т.Ю. С восьми утра?

Божко А.А. С восьми утра, автобусы ходили редко. Но, так как я работала на автобазе, здесь в воинской части, и какие шли машины, меня... я даже не ходила на остановку, здесь на перекрестке меня всегда любая машина, когда шла, меня всегда брали, потому что немного народу было, все мы на виду.

Божко В.В. Ну, своих работников они просто знали в лицо.

Назаренко Т.Ю. То есть подвозили. То есть вы заходили...

Божко А.А. Автобус идет, остановится, даже было не простиснуться, все равно затолкают, все равно ехала на работу.

Назаренко Т.Ю. То есть было тесно.

Божко А.А. И вот... Господи, эти обязательства, эта дисциплина – они с детства. Как это не поехать, как это прогулять, как это? О-о-о! Сейчас вообще люди избадлованы.

Назаренко Т.Ю. Да, сейчас с этим проще. Значит каждый день с восьми часов

Божко А.А. До пяти

Назаренко Т.Ю. До пяти надо быть на работе. Перерыв на обед был?

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Перерыв на обед был?

Божко А.А. Был! Господи, где принесут нам солдатский, это... селедку, ели солдаты.

Божко В.В. Ты говорила, селедкой заключенных кормили.

Божко А.А. Заключенных это потом я уже в лагере работала. Непосредственно в двенадцатом лагере работала.

Назаренко Т.Ю. То есть вам приносили, вы за это платили?

Божко А.А. Нет, там чего-нибудь принесут, хлеб там? А еще – столовая была. Прямо выйдешь за вахту – и столовая здесь. Столовая, буфет при столовой был на Чекисте. Здесь же все рядом. И был «генеральский зал». В то время не было же ничего построено. В столовой была отведена одна часть и был генеральский зал.

Божко В.В. Зеленый магазин деревянный помнишь?

Божко А.А. Какой?

Назаренко Т.Ю. Ну вот сейчас там каменный стоит.

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Ну вот где сейчас каменный стоит?

Божко В.В. Она не знает. Сейчас он каменный. Где мебельный был, ты покупала кухню там себе. Пивбар там, зеленое деревянное здание.

Божко А.А. Да-да! Вот это и было, вот это и был магазин.

Божко В.В. Ну, вот магазин, а ты говоришь столовая, где раньше

Божко А.А. А столовая...

Божко В.В. далеко от него?

Божко А.А. Нет-нет-нет, только на этой стороне дороги был. Вот выходишь с автобазы, ворота. С этой стороны магазин был, а сюда – столовая. Длинный барак такой. Там и столовая, буфет, и «генеральский» зал. Вот!

Назаренко Т.Ю. так, а клуб вы помните? Вот он тоже где-то там был.

Божко А.А. Тоже здесь был! Заводоуправление здесь это, здесь клуб был. И на танцы. Вот надо было поехать и на танцы.

Назаренко Т.Ю. То есть вы время от времени ходили не только в клуб Сталина, но и сюда тоже.

Божко А.А. Клуб Сталина – это в Томске.

Назаренко Т.Ю. Ну, клуб Сталина – это близко к дому, а это близко к работе.

Божко А.А. Близко к работе! Отработали – уехали, и это... все, ну там если какие-то танцы. И наши ребята там, девчата. Приезжала даже. И... так...

Назаренко Т.Ю. А лет-то вам в то время было совсем немного, двадцать...

Божко А.А. Давайте посчитаем. Пятьдесят второй год, пускай – пятьдесят третий.

Назаренко Т.Ю. Двадцать – двадцать один год.

(Длительная пауза).

Назаренко Т.Ю. так, а вот давайте еще поговорим о городе Северске. То есть... Как вот вы его помните? То есть строительство то шло где сейчас улица Первомайская, вот с этого края?

Божко А.А. Да, да-да!

Божко В.В. Ну вот, как ни говори...

Божко А.А. По кварталАм, по кварталАм.

Божко В.В. ... первая асфальтированная дорога была около первого хлебозавода. Оттуда началась

Божко А.А. Да!

Божко В.В. Не от улицы Сталина... как это... Берия.

Божко А.А. Оттуда началась и там была остановка автобуса. Там где хлебозавод старый стоял. То это... счас он тоже на углу, вот так вот. Здесь ходил автобус. Остановка была здесь.

Божко В.В. Я его еще помню. Автобус ходил. На нем так и написано («Хлебозавод» - Т.Н.) Его заключенные еще строили наверно.

Назаренко Т.Ю. Ну, зеки-то у нас долго еще работали. Скажите, а вот заключенных у нас на работу выводили. Ну вот лагерь рядом с работой был. Как их, прямо колоннами выводили.

Божко А.А. Бригада, бригадами выводили. Оставалась только хозобслуга. Хозобслуга оставалась и оставались такие люди, которым действительно правление доверяло. Я помню по сих пор, какие все-таки. Заключенные, а какие хорошие люди были! Евреи, потом – хохлы. Потом, кто вот такие? Культурные, грамотные. Их оставляли в этом, в зоне. С обслуживанием. Повара, столовая там, у начальника секретарь.

Назаренко Т.Ю. То есть в лагере была определенная прослойка людей, которая выполняла административные должности и их на работы на общие не выводили.

Божко А.А. Я уже потом когда я ушла, когда база расформировалась, я ушла в управление лагерей, а оттуда я уже попала в двенадцатый лагерь, одиннадцатый лагерь. Тоже в Управление, я не... не работала (в охране – Т.Н.), но учитывала в зоне ЦПМ, что значит... ЦПМ это значит Центральная пошивочная мастерская. Вот, там заключенные шили рукавицы, там, ну, спецодежду, ну вот куртки, брюки. Тогда же вот не было такого... Заключенные шили, и закроечный цех, закрой... там хохол и кроил, и учитывал. Я иду туда посчитать.

Назаренко Т.Ю. А где этот ЦПМ располагался?

Божко А.А. А в зоне. Прямо в зоне, там был барак, был так, в котором вот располагалась пошивочная, с одной – пошивочная, целая это, сидели заключенные за машинками, а мы здесь вот кроили. Хохол Сатниченко.

Назаренко Т.Ю. Сатниченко?

Божко А.А. Сат-ни-чен-ко. Они рассказывали. А мы же - интересно было, какие праздники, с спецчасти... Спецчасть читала всю цензуру, письма, все... Как какие праздники, поздравления там, все – мешками! Мешками! Капоров у нас был. Капоров.

Назаренко Т.Ю. Я его знаю тоже.

Божко А.А. Вот он идет к нам, высыпает мешками, грит: «Девочки! Помогите читать!» И вот мы всей бухгалтерией читаем. Так мы их так уже знали, у нас каждого знали, и все равно как романы читали. Я набираю своих, кого я знаю, пачку набираю, читаю, другие там это... и все. Которые нормальные-то люди, они и письма...

Божко В.В. У них и письма нормальные.

Божко А.А. И им шли нормальные письма. А вот это отрепье-то которое тоже уже там, ниче из себя не представляли, как начнешь читать, страшно.

Назаренко Т.Ю. А что там было такого страшного?

Божко А.А. А че там, молодые, и хулиганство, и разбой, и грабеж, это вот. Осталась жена с детьми, а он ей пишет: «Ты такая и такая! И все... И я тебе вот не пошлю и помогать не буду!» А если вот я говорю нормальный отец-то сидит, так он пишет заботится. Да что, господи. Интересно было, интересно. Вот такие письма, как например, Сатниченко. Я работала, говорю: «Я ваше дело читала, за что вы сидите там...»

Назаренко Т.Ю. А за что он сидел?

Божко А.А. Это... Вагоны отправляли с яблоками откуда то с Украины не знаю куда, без всяких... В общем, все в карман шло.

Назаренко Т.Ю. То есть за воровство государственного имущества?

Божко А.А. Воровство... В крупном масштабе... . В это... Он говорит... это... Чубинский, они подельники были, еще еврей, тоже мужики грамотные такие. «Мы, - говорят, - Сидим знаем за что сидим. Ты – такое! Обеспечили свою семью до седьмого поколения». Вот! Я говорю: «Что ж вы делали?» «Яблоки, соль – вагонами». В общем, все отправляли, что где дефицит какой. А они отправляли без всяких документов. Было матушке – Россее...

Назаренко Т.Ю. А потом он... Освободились вот эти вот люди – они уехали или они в Северске остались работать?

Божко А.А. Нет, эти, которых я знала – они все уехали. А тогда ж сильно-то не оставляли в Северске, в Северске секретно было. Строили заводы, уже старались, что...

Божко В.В. Солдат оставляли.

Божко А.А. Солдат. Д а тогда и солдаты то, вот такое – год...

Божко В.В. Твой муж как остался?

Божко А.А. А?

Божко В.В. Твой муж как остался?

Божко А.А. Служил, остался! Тогда солдат много оставляли. Много оставляли... А заключенных, п-моему, их...

Назаренко Т.Ю. То есть, даже если он хотел остаться, то его, в общем-то, не приветствовали.

Божко А.А. Бригады водили. А какие бригадиры были! Тоже. Там уж если бригаду ведет, они даже говорили охрапанникам: «Чтио вы нас провожаете?» До зоны, до рабочей зоны. «Я сказал – все, как один, будут на месте. Так были бригадиры, бригады были. Там бригадир, не надо было никакого конвоира, ниче – такие бригады. Если повел такой - Фомин – по-моему, всех знали. Если повел этот бригадир бригаду – будь уверен, что никогда никаких.

Назаренко Т.Ю. Скажите, а вот внешний вид заключенного, у него была какая-то особая форма?

Божко А.А. Ну, куртки, там это... вот эти... надписи обязательно.

Назаренко Т.Ю. На груди?

Божко А.А. На груди. Да. Обязательно.

Божко В.В. Номер...

Божко А.А. Номер, и фамилия, все это... Нет, погоди, номер нет... Ну, в общем, все тут было ясно, что он такой, из какой бригады,

Божко В.В. А евреи? (шутит)

Божко А.А. А?

Назаренко Т.Ю. Так немцы выделяли евреев, что они не должны жить, а у нас все едины.

Божко А.А. Нет, все одинаково.

Божко В.В. А по срокам никак форма не выделялась? Ну вот расстрельная статья есть, да, допустим, у человека, у него, он уже в полосатой ходил.

Божко А.А. Нет, у нас же не было таких... нет, там...

Божко В.В. Не было, да?

Божко А.А. Нет, не было. Это вот в этом, в 11 лагере, который оформляли. В смысле, как раз эвакуировали. Там...

Божко В.В. А на машины зеков посадили, начали возить на работу, это уже после? Сначала пешком водили на работу. А потом-то я помню, когда строили «Современник» как они строили...

Божко А.А. Это далеко уже.

Божко В.В. Тогда возили.

Божко А.А. Возили, да. А здесь вот которые строили.

Божко В.В. (Кадетам) Прямо по коммунистическому проспекту.

Божко А.А. Даже вот этот... завод строили, и то, по-моему, ходили пешком. Где счас 15 там, десятый объекты.

Божко В.В. Да, там дорог не было, они пешком ходили.

Божко А.А. А сюда... уже

Назаренко Т.Ю. Скажите, а вот этот 11-й лагерь, это – кто там? Вы несколько раз уже

Назаренко Т.Ю. Назаренко Т.Ю. Божко А.А. На самом «Чекисте», где магазин, мы вот счас описывали магазин. Где вот база вот эта была. Вот к берегу туда, вот к Белобородово тогда

Божко В.В. Сейчас что там стоит?

Назаренко Т.Ю. Ага... То есть, там сейчас это (набережная и дома по ул. Ленинградской– Т.Н.)

Божко В.В. Что там есть на этом месте, мам?

Назаренко Т.Ю. Дома там сейчас.

Божко А.А. Счас там остановка, вот который к нам вот сюда идет автобус. Ну вот где Ветлугины живут, вот, где-то здесь вот, в этом районе. К Белобородово.

Назаренко Т.Ю. То есть одиннадцатый лагерь – это вот для политических?

Божко А.А. да, особая статья.

Назаренко Т.Ю. И его быстро устроили (ликвидировали)? А у них форма внешняя отличалась, или они выглядели точно так же, как остальные заключенные?

Божко А.А. Точно так же!

Назаренко Т.Ю. Выглядели они так же.

Божко А.А. Они ходили на такие стройки, по-моему, даже...

Божко В.В. Гоняли их.

Божко А.А. Да, особо на работу.

Назаренко Т.Ю. Все равно здесь работали?

Божко А.А. Да.

Божко В.В. Без работы-то они не остались?

Назаренко Т.Ю. А вот такое. Вспоминали, просто, некоторые люди, что когда вот, допустим, в школу бежишь... Школа же тоже где-то там рядом находилась? Это примерно где сейчас гостиница, вот там, да? Ну, ближе куда-то она к берегу реки находилась там, да? И вот если ты опоздал чуть-чуть, то пойдет колонна заключенных, и вот пока они не пройдут, ты уже будешь стоять и ждать. Это было, да?

Божко А.А. Наверно. Но я не в этой стороне была.

Божко В.В. Тормозили все, транспорт, все, что угодно. Идет колонна, ее ведут военные, военные отсекали. Хоть скорая там, хоть что. Пока не проведут.

Божко А.А. Да вот, жили, через дорогу переходили, поезда, все стояли, пока там колонны не пройдут, А колонна: одна бригада идет, вторая бригада. Никак не пройти по своему.

Назаренко Т.Ю. То есть они были сформированы по бригадам и вот так вот и шли и шли пешком. Очень интересно... Так, а вот: как долго вы работали в бухгалтерии сначала автобазы, а потом вот лагеря?

Божко А.А. Ой, да я все время работала!

Назаренко Т.Ю. нет, ну вы же потом в другой бухгалтерии работали?

Божко А.А. Да, конечно. В лагере работала. В Лагере работала до шестьдесят девятого – помню хорошо – до шестьдесят девятого года. И когда лагеря уже, построили заводы, построили основные объекты, город уже это... И лагеря тоже стали вывозить. Тоже, постепенно. И – все. Слышу, объявление по радио местному: «Требуется бухгалтер на Пищекombинат». Ну вот, я и пошла, у главного отпросилась он мне говорит: «Но я же тебя не собираются сокращать! Ты же еще будешь работать...» Ну - не все сразу. Я говорю: «Я не буду ждать, когда вы меня скажете: давай уже!»

Божко В.В. Попросите.

Божко А.А. А я говорю, работу тоже не так-то просто было найти. Я говорю: «Объявление, пойду!». Ну все, пришла. Они сразу меня взяли. Падеров был такой.

Назаренко Т.Ю. Падеров – это вот у которого жена – врач?

Божко А.А. да, да! (пауза) нет, Падеров – у него жена, по-моему, в институте. Падеров... Падерова...

Назаренко Т.Ю. Есть у нас врач – санэпидемстанция, она у нас как раз радиомедициной занималась.

Божко А.А. Может быть, он-то был это! Управляющий там... В лагерях...

Назаренко Т.Ю. Главный был в лагерях, да?

Божко А.А. Начальник лагерей, старший в лагерях. Так. Капоров, кукушкин, старые. Старые военные. Всю жизнь работали.

Назаренко Т.Ю. То есть вот так вот вы

Божко А.А. (перебивает, вспомнила) Соболев у нас. Соболев.

Назаренко Т.Ю. Соболев, да.

Божко А.А. А Соболева была – она гинеколог была. Соболева, вот это... как звали по имя-отчеству? А Соболев, полковник, он сейчас живет.

Назаренко Т.Ю. Да, он живой.

Божко А.А. Вот Ольга (дочь), Соболева сын учились в одном классе.

Божко В.В. И что, мне теперь с ней на вы разговаривать? (шутит)

Божко А.А. А?

Божко В.В. С сыном начальника лагеря училась.

(Смех).

Назаренко Т.Ю. Шутит он что такое важное... с таким важным... с ребенком такого важного человека училась.

Божко А.А. Конечно, всегда... Принято считаться как-то, какое-то уважение людям было. Все равно различие было.

Назаренко Т.Ю. То есть при том, что вы все вместе, все жили в общем-то не в очень комфортных условиях, тем не менее внутри какая-то градация была: вот эти более важные люди, мы – простые смертные.

Божко А.А. Я еще в лагере работала, мне уже квартиру дали. На Свердлова. Я сейчас тут у дочки живу.

Назаренко Т.Ю. Так, ну вот вы пришли работать в Северск. То есть сразу по приезду в Томск вы пришли работать в Северск, и здесь вы познакомились со своим будущим мужем.

Божко А.А. Да. Вот на этой же воинской части, на этой же автобазе. Он демобилизовался, ему сразу дали автобус. И все, и он такой шепутной был, и начальство его уважали, он умел. Вот этот вот муж у меня, отец.

Назаренко Т.Ю. Так. А как вот вы с ним познакомились?

Божко А.А. Ой, как мы с ним познакомились? Тоже наверно, потому что я работала... жила в Томске, поехать. Вечером, транспорт вот, еще автобус будет или не будет. А уже этот был, капитан, который заведывал, командир воинской части. Ну и: «Вот, везет!». Ну и вместе работали, у нас коллектив-то был. И все, и вот так!

Назаренко Т.Ю. Но он же жил в воинской части?

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. Он же тогда был срочнотружущим?

Божко А.А. Да. Да-да-да, он был срочнотружущим.

Назаренко Т.Ю. А вот Владимир Викторович рассказывал, что вот во-первых, что он очень долго служил по закону, а потом еще сверх срока оставался.

Божко В.В. Он отслужил три года восемь месяцев.

Божко А.А. Это тоже, это такой срок был!

Божко В.В. не срок, мам, был, а потому что не было пополнения. Ему предложили либо...

Божко А.А. Тогда не его одного, задерживали...

Божко В.В. Тогда не его одного...

Божко А.А. Задерживали!

Назаренко Т.Ю. То есть тогда же сроки, тогда же, насколько я помню, во-первых призыв был позже, то есть не в 18 лет, по-моему, 21.

Божко А.А. Да. Что я знаю, что когда они демобилизовывались, они не были молоденькими. Он уже парнем был, с такими...

Назаренко Т.Ю. Ну, и в добавок ко всему, то есть мало того, что он уже достаточно взрослым человеком был, когда идет на службу, еще срок этот... два или три года тогда было?

Божко А.А. Ему уже было, когда он отслужил, ему, по-моему, 24 года было.

Назаренко Т.Ю. (прикидывает)

Божко В.В. Два года он отслужить должен был.

Назаренко Т.Ю. То есть уже два года служили.

Божко А.А. А не три?

Божко В.В. Три – на морфлоте!

Назаренко Т.Ю. Нет-нет-нет, было у нас время, когда сухопутные тоже служили три года. Я только не помню, в пятидесятые годы проходило так?

Божко В.В. даже если три - то он отслужил три года восемь месяцев.

Назаренко Т.Ю. В любом случае переслужил.

Божко В.В. И он подписал о том, что он остается здесь работать, а его призыв, которые отказались, они отслужили 4 года и 2 месяца. То есть они переслужили.

Божко А.А. Да, я знаю, что он долго служил, парни...

Назаренко Т.Ю. Да, долго. То есть ему было уже 24 года. А вы расписались тогда, когда он уже демобилизовался, или он еще служил?

Божко А.А. Конечно, конечно!

Назаренко Т.Ю. То есть военнотружущий жениться не мог?

Божко А.А. У нас мама с папой строго-ого нас воспитывали, таких никаких...

Божко В.В. Это вы нас строго воспитывали.

Божко А.А. Да (отмахивается, показывая несерьезность реплики сына), мы уже так вас не воспитывали!. Вы уже... А нас строго! Строго. Расписались, под благословление у мамы. Поехали. Это. Приехали и все. Мама меня еще отговаривала: «Тоня-я! Не выходи за него, не выходи!» Я: «А че, мам?»

Божко В.В. Чахотошный!

Божко А.А. «Он, говорит, больной, скоро умрет!»

Назаренко Т.Ю. Он правда был больной?

Божко А.А. Нет! Он был худой.

Назаренко Т.Ю. То есть он был просто...

Божко А.А. Худощавый! Это вот маме надо, как мы все были, такие сбитые, все. Так этот, который «скоро умрет», прожил 85 почти лет. Умер на 85 году.

Божко В.В. сердце - как у космонавта.

Божко А.А. Да! Да и вообще ниче у него не болело. Ни-че-го.

Божко В.В. Просто остановилось сердце.

Божко А.А. Со зрением, и - инфаркт, и все!

Назаренко Т.Ю. Угу!

Божко А.А. Ничего не болело. Последнее время выглядел, как и морщинки нет, ничего!

Божко В.В. Он поправился так!

Назаренко Т.Ю. А вот скажите, он так и работал всю жизнь шофером?

Божко А.А. Нет! Он поработал в этом, потом устроился на железную дорогу. Помощником машиниста! Восемнадцать лет отработал на железной дороге. Когда выработал пенсионный стаж, он уволился. Я говорю: «Почему ты это?» А он говорит: «Смена, дисциплина на железной дороге!» Но это не плохо было, что там дисциплина была действительно.

Божко В.В. Да нет, не из-за дисциплины, скорее всего. Нормально!

Божко А.А. Да, он стал... голова у него стала болеть, вот! Тяжело ночные смены. И он ушел на автобазу.

Божко В.В. Из-за смен.

Назаренко Т.Ю. Угу! Потом опять ушел на автобазу?

Божко А.А. На автобазу, на шестую. Строил там. На Маза его посадили.

Божко В.В. И он там до конца...

Божко А.А. До конца на этом мазеньше потом.

Назаренко Т.Ю. То есть он на пенсии фактически не находился вообще, да?

Божко В.В. Он вышел на пенсию с 6 базы, там уже предельная пенсия у него была, устроился в садоводство,

Божко А.А. Уже пенсионером!

Божко В.В. Да. Водителем. Садоводство для него выкупило МАЗ, старый, на шестой базе, и он весь восстановил, и до конца своих лет он ездил

Божко А.А. Восемь лет он в садоводстве работал еще. Он почти не сидел дома.

Назаренко Т.Ю. То есть ему было 85 лет, и он ходил на работу?

Божко А.А. Не-ет!

Божко В.В. 5 лет ему не было!

Назаренко Т.Ю. То есть до сколько он работал?

Божко А.А. Ну, счас, как сказать? Ну 85, в 75 то он точно работал.

Божко В.В. Если не больше.

Божко А.А. Ну маленько, может, не знаю.

Назаренко Т.Ю. То есть дома?...

Божко А.А. Работа то у него была такая, что. В садоводстве не было такого режима, что вот встал там... Ну работал.

Назаренко Т.Ю. Ну понятно, что, но работа была.

Божко А.А. Его держали там, два начальника было Попреречки, а его все там... Он умел работать.

Назаренко Т.Ю. А он работал потому что ему... как сказать, потому что ему было интересно работать?

(Далее оба респондента говорят одновременно, перебивая друг друга).

Божко А.А. Интересно.

Божко В.В. Больше мне кажется, ну, отец, он когда с МАЗом прощался, он даже чуть не ревел.

Божко А.А. Нет, ну так, а денег-то все равно не хватало. Господи, жить-то надо.

Божко В.В. Мам, у вас и скотина была, все.

Божко А.А. Вы росли, надо было одеть вас, накормить!

Божко В.В. И машины были, все было!

Божко А.А. Ну это когда уже!

Божко В.В. Когда-когда, когда он уже и работал на пенсии.

Божко А.А. Ну работал и все...

Назаренко Т.Ю. Так, а вот само по себе. Вы, значит, поженились и вам дали в бараке где-то квартиру.

Божко А.А. Да, на Чекисте.

Назаренко Т.Ю. Это вот когда, после свадьбы?

Божко В.В. Партизанская, 5.

Божко А.А. Партизанская, 5. В бараке дали нам комнату, вдвоем, да. Двадцать четыре хозяина в бараке жили, жили дружна-а! Никогда никаких скандалов, ни разборок. Все было хорошо. Потому что не было общей кухни, каждый...

Назаренко Т.Ю. А, каждый у себя готовил.

Божко А.А. У каждого своя печка, своя кухня, сам готовил, грел...

Назаренко Т.Ю. А вот как выглядела комнатка в бараке? Она большая была?

Божко А.А. Метров наверно 18-20. Такая хорошая. Потому же, потом у нас соседи это, и мы еще одну комнату заняли. У нас там спальня была, а тут мы жили. И мы – мы 12 лет в бараке прожили. 12 лет прожили, но зато с подселением не жили мы ни дня. Потом сразу получили квартиру.

Назаренко Т.Ю. Так, и вот – комната в бараке. Она примерно 18 м., что в ней находилось? Печка была, да?

Божко А.А. Печка.

Назаренко Т.Ю. Это для тепла или тепла и готовки?

Божко А.А. И готовки, все. Все готовили. Даже сначала у нас электрическая эта, печка... ну ни... как раньше, эта... Потом все, дрова, и натопишь, тепло.

Божко В.В. Но на Свердлова у тебя тоже была печка дровяная.

Божко А.А. Но тогда уж все были, печка дровяная.

Божко В.В. Это потом только сносить начали, на электрические перешли.

Назаренко Т.Ю. И вот, значит, это самое – то есть печка, кровати, да? Стол?

Божко А.А. Стол, там тоже стол.

Назаренко Т.Ю. Столов было 2, да, то есть один чистый, а другой – рабочий?

Божко А.А. Примерно, да, да. Все.

Назаренко Т.Ю. А вот как вы, чтобы уютно было, делали? Что делали?

Божко А.А. Ну, шторочки, занавесочки, уют-то создавали, что же, господи! Все уже, что-то купишь, или что-то хоть сделаешь. Что-то дешевенькое, но в то время казалось очень даже красиво. Вот. Детские койки. Все, у каждого своя койка была. Нормально в бараке, самое главное, что отдельно от всех, никаких. На работе я приду, на работе, рассказывали женщины, жили с подселением, на три хозяева. Как они на кухне дрались! Как они там обливали друг друга, готовы были убить! В суп то соли насыпят, то горчицы насыпят. В другую кастрюлю, чтоб только что-то сделать!

Божко В.В. Нашкодничать?

Божко А.А. Нашкодничать.

Назаренко Т.Ю. То есть вот это, просто не любили соседей просто потому, что постоянно пересекались: из-за ванны, из-за туалета, из-за кухни. А вот, значит, комнаты в бараке – это что-то типа наших гостинок. У каждого отдельная квартира, фактически, она изолирована, но общий коридор.

Божко А.А. да. И единый коридор. И все, у каждого своя дверь, закрыл, все – ушел!

Назаренко Т.Ю. Туалеты во дворе?

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. А мылись вы где?

Божко А.А. В баню. Только в баню!

Назаренко Т.Ю. Это где?

Божко А.А. А тут же, в Чекисте баня была. О-о! Баня!

Божко В.В. Где она стояла?

Божко А.А. А вот где наш дом,

Божко В.В. Там сейчас что?

Божко А.А. Вот бочаровский дом, потом еще это, был... где Бочаровы жили. Что смеешься? В бараке жили.

Назаренко Т.Ю. Придется сейчас вас просить рисовать.

Божко А.А. Я тебе сейчас так объясню. Вот где сейчас садоводческий...

Назаренко Т.Ю. А, это вот круглая долина.

Божко А.А. А туда, к берегу, где сейчас избы на горе, стояла баня. Одна баня была.

Назаренко Т.Ю. То есть это вот где-то в районе ближе к больничному городку получается?

Божко В.В. Наш вот Партизанская 5 – барак стоял – сейчас там стоят машины скорой помощи. Гараж скорой помощи (звонок на телефон, В.В. Божко отходит).

Назаренко Т.Ю. Все, поняла.

Божко А.А. А здесь вот баня была, напротив! Баня-баня. Детей дома мыла. В тазу.

Назаренко Т.Ю. То есть согревали воду и мыли их?

Божко А.А. Да, мыла, пока маленькие. А потом в баню. Сами идем, и их с собой тащим.

Назаренко Т.Ю. Ну, понятно. Так, а ребятишки, ну, все молодые, у всех дети примерно в одно и то же время появляются.

Божко А.А. Конечно–конечно–конечно! У меня только разница была. Оля родилась - через 9 лет - Вова родился! Разница 9 лет была у них. Это потом уж, я вышла на работу, то отец, муж, то - ее оставляла, Ольгу. Девяти... Десять лет ей было. Чтобы она с коляской возле дома.

Божко В.В. Она... Коляски не было, меня на свинье возили.

Божко А.А. А? Пока с работы приду, она уже мне помогает.

Назаренко Т.Ю. То есть она вот водилась с младшим братом?

Божко В.В. Сама бабкам меня отдаст, а сама на речку убегала купаться, помощница!

Божко А.А. Ну ведь где еще... Хорошо, что она тебя нигде не потеряла!

Божко В.В. Да лучше бы (улыбается).

Божко А.А. (Смеется)

Божко В.В. Да не знаю, может, другие люди бы забрали, которые отвечали бы за меня.
(Смех)

Назаренко Т.Ю. Скажите, а вот декретный отпуск тогда сколько был?

Божко А.А. Ой... Вот декретный отпуск, знаю, что декретный отпуск 15 дней был, и декретный. Вот дотягивала до трех месяцев, даже немножко не дотягивала. Вот это вместе и в три месяца надо было ребенка отдавать в ясли. А на работу придешь, плачешься, надо куда ребенка. А у нас главный бухгалтер: «А куда? Увольняйся! Мы ждать не будем, пока ты... Нам надо человека принимать, все!»

Назаренко Т.Ю. А если... С яслями не было проблем вот устраивать детишек в ясли?

Божко А.А. Ну, мне кажется, особо не было, вот отец добился. Автобус с народом напротив Управления Строительства остановит под окнами, и сам бежит, что, мне надо дочку в сад завести. Добился, дали. Ну а Вову – здесь уже более... более...

Назаренко Т.Ю. Угу! Интересно как!

Божко А.А. то есть, ну в общем вот. Жили. Жили - и не тужили! И все равно вот, Господи! Не было такого вот... какой-то зависти, зла на людей, все были равные. Вот на работе работали – у нас никогда не было. Каждый знал. Ты вот такая группа – тебе вот

оклад 50, а тебе - 60. И каждый знал, что ты свое получаешь, и все, и... А счас – глядят, кому больше, кому меньше, поработаешь, завтра выйдешь, выглядят...

Назаренко Т.Ю. Стравливают людей вот эти вот зарплатные вещи... Скажите пожауйста, вот, зарплата у вас в начале какая была?

Божко А.А. Пятьдесят рублей. Пятьдесят рублей (почти с гордостью). Это здесь вот еще, когда на базе я работала, в третьей. Пятьдесят рублей, я помню, получила...

Назаренко Т.Ю. И на что хватало пятьдесят рублей?

Божко А.А. Хватало. Потому что мама была, папа был. А я сразу получила пятьдесят рублей, пошла - себе туфли купила. Ой, рада-рада была, что уже возраст, надо на танцы, а семья большая.

Назаренко Т.Ю. И вся эта зарплата – она на туфли ушла, или немного осталось?

Божко А.А. Ну, наверно нет! По-моему, даже пятьдесят с чем-то эти туфли стоили. Не знаю. Но – пятьдесят рублей, да, это запомнила хорошо.

Божко В.В. Дед тебя не лупил?

Божко А.А. Дед? Он нас вообще никого пальцем не трогал!

Божко В.В. А что ж ты не в отца-то пошла? Меня лупили, как этого...

Божко А.А. Кто тебя лупил?

Божко В.В. Ты!

Божко А.А. Ну, я лупила тебя. И то – это же за дело было. А ты знаешь.

Божко В.В. Да, а ты все деньги истратила – и это не за дело?

Назаренко Т.Ю. Ну, она тогда еще молодая была...

Божко А.А. Отец-то тебя тоже пальцем не трогал. А я боялась, чтобы с тебя вырос хороший человек! Поэтому я тебя. Ну - и один раз только тебя!

Божко В.В. Хо-хо-хо! Смешно.

Божко А.А. Один раз только тебя. Хорошо я тогда тебе врезала. Но – надо было, надо!

Назаренко Т.Ю. Это из-за того, что курить начал?

Божко А.А. Подрос уже, в школе начали жаловаться. Смотрю, отметки уже не те стали, все. Четыре года, у него с четвертого класса - у него ни одной тройки не было. Только четверки, табель. Где-то у меня до сих пор был. А потом уже в пятом классе уже смотрю...

Божко В.В. В шестом, мама!

Назаренко Т.Ю. В шестом...

Божко А.А. Перешел ты много. Но было, было! Было. Отец – сроду его не трогал. Нас было девять человек, ну – девять не надо считать, маленькие, нас семь человек было, всякие разные. Всякие еретики... Папа нас никого пальцем не трогал, только посмотрит или скажет... Все! Как закон.

Божко В.В. Значит, уважение к старшим было. Сейчас...

Божко А.А. Папа – самый страшный матерок был, он всегда что-нибудь разозлится на маму: «О! С Волги бревна неотесанные!»

Назаренко Т.Ю. Эх, какая прелесть!

Божко А.А. Ага! «С Волги бревна неотесанные!» Это уже все, значит, папа до предела... О, господи... да-да-да!

Назаренко Т.Ю. Значит, а вот квартиру новую вы на Свердлова получили когда?

Божко А.А. В 69, я перешла сюда уже, на пищекомбинат уже... Наверно, в 65-м.

Божко В.В. Нет, в 66-м! Два годика мне было.

Божко А.А. Не два. Тебе уже три года было.

Божко В.В. Я в 64-м родился!

Назаренко Т.Ю. Ну, значит, тогда это уже 66-й или даже 67-й!

Божко А.А. Вот, три годика тебе было, мы переехали.

Назаренко Т.Ю. А как вы эту квартиру получили? То есть: вы в очереди стояли, или?

Божко А.А. Нет! Тогда же... Господи, какое-то передвижение, квартиры давали, кому-то дали там большую, или кому-то там это... А эта освободилась, и мне без разговоров.

Божко В.В. Как работнику, наверно, просто дали, и все. Специалисту.

Божко А.А. Да! Кому-то дали большую, кому-то там это... А эта освободилась, и мне, без разговоров. Перешли даже без ремонта. Чистая квартира была даже. Нормально. Нормально... Это – Свердловка 3. Там жили все Управле... Из Управления Строительства. Вот, там жили. Начальство. Начальство перебирались в лучшее, а нам уже – что останется. Но все равно, радость была! Квартира своя. Безо всякого. Не надо ничего платить было. Я вот сейчас все время говорю, сейчас вот выборы, выборы. Я буду только за Титова² голосовать. (Пауза). Только за Титова.

Божко В.В. Мам, не агитируй!

Божко А.А. Я не агитирую.

Назаренко Т.Ю. да он все равно...

Божко А.А. Агитация каждый день! Дебаты у Соловьева.

Божко В.В. А вот они... всех показывают, а кто-нибудь один что-нибудь сделал? Они... «Если проголосуете – мы сделаем!»

Божко А.А. За Титова я! Титова я знаю!

Божко В.В. Если Путин что-то делает, то видно, что он делает.

Божко А.А. (настойчиво) Титов был губернатор Самарской области! В те года, в те года! И Самарская область на весь Советский Союз была!

Божко В.В. Приезжали родственники с Самары – жрать нечего!

Божко А.А. Так это потом, потом! Когда после коммунизма.

Божко В.В. Засада все

(Говорят одновременно).

Божко А.А. Потому что надо было по-женски, и сразу все: поезжайте, вот путевка, бесплатная путевка, на дорогу – пожалуйста! Сейчас попробуй в Белокуриху поехать? Такие деньги!

Назаренко Т.Ю. Только за деньги!

Божко А.А. Так большие деньги-то надо!

Божко В.В. Вот, привыкли к халяве!

Назаренко Т.Ю. Сейчас с квотами – это сейчас да, так. (Пауза, возвращаемся к теме) Так. Ну, вот значит, вы получили квартиру, вы там долгое время и проживали?

Божко А.А. Да.

Назаренко Т.Ю. Давайте вот еще об этом поговорим. То время, когда Северск только-только начинался. Товары. То есть, вот был один магазинчик. Что там можно было купить, в этом маленьком магазинчике?

Божко А.А. Был на Первомайской Гастроном, Был. Он и сейчас там есть.

Божко В.В. На Свердловка. Около... Не был?

Божко А.А. Это потом уже.

Назаренко Т.Ю. был Гастроном, да?

Божко А.А. ... Построили дом уже. Дом. Ну что там было можно купить? Да все можно было купить. Для жизни – все! И Северск снабжался прекрасно. По сравнению с Томском, с другими городами, Северск вот как жил!

Назаренко Т.Ю. То есть можно было купить мясо, колбасу?

Божко А.А. Мясо можно было купить.

Божко В.В. Мне, чтобы пойти гулять, стояла вазочка всегда, она до сих пор живая, она у меня есть.

² **Борис Юрьевич Титов** — председатель «Партии Роста», уполномоченный при президенте России по защите прав предпринимателей, миллионер, учредитель компании по экспорту продуктов нефтехимии Solvalub, владелец завода игристых вин «Абрау-Дюрсо». Борис Титов — экс-председатель «Деловой России». Кроме того, Борис Юрьевич Титов — председатель российско-китайского комитета мира, дружбы и развития, председатель Совета «Российского Союза виноградарей и виноделов», кандидат в президенты РФ на выборах 2018 года.

Божко А.А. Ты?

Божко В.В. Я ее себе забрал, да. И чтобы мне пойти гулять, мне нужно было съесть не менее двух ложечек чайных черной икры. Я выбирал, что я лучше есть не буду, но гулять не пойду. Она мне не нравилась.

Божко А.А. Потому что у тебя я считала, организм ослабленный.

Божко В.В. Сейчас я не помню, что такое вкус черной икры.

Назаренко Т.Ю. То есть икра была даже?

Божко А.А. Ну это, не то, что она была, но покупали. Из таких денег еще покупали, и... то есть не всегда, но ему, как маленькому...

Назаренко Т.Ю. И зарплаты на все это хватало?

Божко А.А. Надо было икру, я всегда покупала и на стол ставила. А уже друзья появились, все – гулять! Я говорю: «Пока не съешь – не пойдешь!» И вот это ему запомнилось.

(Появляется кролик)

Божко В.В. Заяц пришел, смотри, он вам сейчас пятки откусит.

Назаренко Т.Ю. То есть снабжение было лучше? А вы помните, когда ввели талоны.

Божко В.В. (кадетам) Морковки держите свои!

Божко А.А. Ну, уже не помню когда, но... (пауза. Отвлекается на кролика) Маруся! Маруся!

Божко В.В. Мам. Записывают тебя. Маруся. (смеются)

Назаренко Т.Ю. Ну и что? Он же пришел!

Божко А.А. Господи! Внук припер. Купили для внучки, для моей правнучки. А у ней аллергия. Ее притащили сюда. Она мне мусорит везде. Вечер, гуляла уже везде, нагулялась, вечером уже все, спать она ложится. Я сижу, она ночь спит до утра. Прямо тишина, спокойствие. И все... Счас, между прочим, если бы хорошего, настоящего хозяина, не у меня б она была, можно приучить ее к лотку, можно.

Божко В.В. Мама! Ты так перегружена, что у тебя нету времени ее приучить? Два раза по башке дала, она у тебя вообще срать забудет как. (Шутка, все смеются).

Божко А.А. Как тебе не стыдно перед парнями-то?

Божко В.В. Это мы так воспитываемся, воспитываем друг друга, да?

Божко А.А. Ой, господи!

Назаренко Т.Ю. (возвращаясь к разговору) Ну, значит зарплаты у нас хватало?

Божко В.В. Они еще свиней держали, жили в бараке.

Назаренко Т.Ю. Это в бараке, да?

Божко А.А. В бараке... Да ну, всю жизнь с отцом работали! И свиней держали, и курей,

Божко В.В. Из-за того свиней держали, что было большое количество отходов в столовой, и все это было бесплатно. То есть, и свинья была практически бесплатно.

Божко А.А. Мы люди работающие были. Мы поэтому и...

Божко В.В. На месте не сидела.

Божко А.А. Поэтому мы «Запорожца» купили.

Божко В.В. Самые первые.

Божко А.А. Первые! Ни у кого в городе... вторые купили «Запорожца». Он стоил...

Божко В.В. Раньше во дворе чтобы стояла машина – это был нонсенс. Сейчас они – некуда поставить машину, битком.

Божко А.А. Все плохо живут люди!

Божко В.В. А раньше «Запорожец» - и все остальные... Два дома стоят, смотрят на нее, тебе завидуют, что на машине.

Божко А.А. Мы «Запорожца» купили – о-ой!

Назаренко Т.Ю. Какой год был?

Божко В.В. Я маленький, в садик ходил!

Назаренко Т.Ю. То есть это где-то вот шестьдесят шестой-седьмой-восьмой год? 1960-е годы, вторая половина.

Божко В.В. Я помню, что радиола, которая стоит на даче, 102. Этот, Так Т-34-102, вы меня забирали, ехали из магазина, купили эту вот радиолу и меня из садика забирали. Там радости не было конца и края. Не то, что радиола, а то, что номер 102, как у танка.
(Смех)

Назаренко Т.Ю. То есть радиола вот эта, то есть из таких, из предметов таких, как бы благополучного быта.

Божко А.А. А сейчас люди как бы...

Божко В.В. Он водитель, она – бухгалтер, вот... Короче, не сидели на месте.

Божко А.А. Не сидели, вот... и все свое чтоб было, еще родственники свиней держали, курей.

Назаренко Т.Ю. То есть у вас еще и огородик был небольшой.

Божко А.А. Ну-у, да, две, где-нибудь там грядочки.

Божко В.В. Картошку наверно сажали, да?

Назаренко Т.Ю. После того, как вы в городскую часть переехали, у вас были какие-нибудь подсобные? Хозяйство, там мичуринский, еще чего-нибудь?

Божко А.А. Ну, это потом уже мичуринский.

Божко В.В. А свиней вы на Парусинке держали?

Божко А.А. Ну что, Господи, где мы их не держали? Ну что там было?

Божко В.В. Постоянно были. Я в детстве, помню, туда ходил. Вот. Работали, не сидели. И на работе, и так все. Никогда не сидели...

Назаренко Т.Ю. Угу, то есть у вас получалось так: зарплата была небольшая, но была возможность во-первых, держать личное хозяйство, если вы его хотели...

Божко В.В. Помощь большая.

Назаренко Т.Ю. Это большая помощь. Значит, и с продуктами, и это...

Божко А.А. Конечно, конечно!

Назаренко Т.Ю. Скажите, а вот свое мясо – вы только сами употребляли, или можно было частично продать его.

Божко А.А. Ну, сначала только сами, а потом где-то уже лишнее останется, помню, возила, возила, это уже когда «Универсам» был построен, там ларечек то это... Повезу, там его у меня быстренько, подешевле. Было все, продавали.

Назаренко Т.Ю. Это вот тот универсам, который наш «Универсам», возле «России».

Божко А.А. Да! То мы корову держали, ой, и овец держали. Мы с Вовой поедем на этот, сейчас... птицефабрика-то Межениновская. Я по семьдесят, по сто цыплят, бройлеры, покупала только.

Назаренко Т.Ю. Живых?

Божко А.А. Да, держала. На Поперечке. Так что и им, мясо, все. Поэтому нам это, попроще было, что работали всегда.

Назаренко Т.Ю. А на Поперечке у вас когда появился участок?

Божко А.А. (Молчит, вопросительно смотрит)

Назаренко Т.Ю. Ну вот цыплят вы уже держали на Поперечке?

Божко В.В. Это я еще не был женат. Ну вот, сейчас я живу уже тридцать лет.

Назаренко Т.Ю. То есть это уже где-то восьмидесятые годы.

Божко В.В. Да, то есть в 79 году я уже поженился, то есть где-то в 78... Ну вот, вот так вот.

Божко А.А. Семьдесят, наверно, третий. Ну, какая разница? Ну...

Божко В.В. Мам, ну вот...

Божко А.А. Ну, давно уже, давно уже, вот... Огород, потом вот там построили домик.

Божко В.В. В лесу прямо участок был, лес, все, выкорчевывали. Отец, я помню...

Божко А.А. Выкорчевывали...

Божко В.В. Дом привезли – сруб – из Орловки. Там рубили дом.

Божко А.А. Нанимали мы, ездили, туда. Людей.

Назаренко Т.Ю. Вот так вот, интересная получается, тоже, очень, картина.

Божко А.А. Жизнь такая... Когда начинаю вспоминать, что вот... свою жизнь, вот с войны как начинаю вспоминать, это все пережито-пережито-пережито-пережито! И все-все-все! Еще Бог здоровья дает.

Назаренко Т.Ю. Ну да!

Божко А.А. В тот раз Вова говорит, у вас мама заболела.

Назаренко Т.Ю. Ну... Давление.

Божко А.А. Ну, вот сейчас получше? Нет?

Назаренко Т.Ю. Ну, конечно, она на постоянном этом... лекарстве. Она чуть помладше вас. На два года.

Божко А.А. У меня тоже...

Божко В.В. Я многим младше, а у меня тоже давление.

Назаренко Т.Ю. Ну в этот раз вроде выбрались. Вообще очень интересно получилось. Первые годы Северска, можно понять, как этот город только-только начинался.